

ОТКРЫТИЕ
РУНЕТА!

ЕЛЕНА ЕРШОВА

ЦАРСТВО МЕДНОЕ

САМЫЕ СТРАШНЫЕ МОНСТРЫ СКРЫВАЮТСЯ ВНУТРИ НАС.
И СРАЖЕНИЕ С НИМИ – САМОЕ ВАЖНОЕ В ЖИЗНИ КАЖДОГО.

Annotation

Одержав победу в кровопролитной войне, Южноуделье постепенно возвращается к мирной жизни – растут города, развивается наука. Но на карте страны до сих пор есть белые пятна, такие как овеянный легендами Дар. Туда в составе экспедиции и отправляется молодой ученый Виктор, чтобы подтвердить или опровергнуть существование мифических монстров, более известных как васпы. Виктор не подозревает, что путешествие обернется кошмаром, а человек станет заложником монстра. Но чудовищами не рождаются: их создают люди. Жизнь становится разменной монетой в жестоком эксперименте. Когда мир окажется на краю пропасти, что победит? Смерть или любовь?

Елена Ершова

Царство медное

...а на восьмой день увидел он медное озеро. На берегу медный дворец стоит. Вокруг медного дворца медный сад цветет: трава – желтой меди, цветы – красной меди, на медных яблонях медные яблоки висят...

Народная сказка

© Е. Ершова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

– Сколько еще осталось? – спросил Виктор, прихлебывая чай из алюминиевой кружки.

– Километров четыреста разменяем по болотам, к полудню и прибудем, – откликнулся из кабины Савелий. – Если с утра пораньше в путь двинуться. Главное, границу проши, слава те господи! Правительственный пропуск – хоть в ад с ним лезь.

– Вот ты первым и полезешь, – проворчал сидящий за рулем Дерек.

Все засмеялись, но Савелий не обиделся.

– Я-то, допустим, не полезу, – возразил он. – Мне бы вас, ребята, к месту доставить да обратно привезти. А что между этим делать будете – хоть к дьяволу лезьте, хоть на головах пляшите, – наше дело сторона.

Мириам дремала и криво улыбнулась сквозь дремоту. Сидевший рядом с Виктором Монгол сощурил и без того узкие глаза и усмехнулся в жидкие усы, свисающие по бокам крупного губастого рта. Виктор подумал, что если сейчас откажет печка, то наутро на концах этих усов будут звенеть крепкие сосульки. Если, конечно, все переживут эту ночь.

Сколько времени прошло в дороге? Виктор потерял счет дням.

Будто только вчера лаборант положил на стол приказ сформировать экспедицию. Виктор долго грезил о ней и предусмотрительно хорошенько подмаслил нужных людей. И вот наконец-то разрешение получено и сформирована группа из пяти человек: Монгола – майора разведки и начальника экспедиции; лейтенанта Савелия Кушева – штурмана; Дерек Ларкина – пилота гусеничного вездехода; Мириам Адлер – врача; и его, Виктора Тория, ведущего научного сотрудника Института Нового мира. До Виктора доносились слухи, что членов экспедиции должно быть больше, но то ли цифра девять суеверно считалась несчастливым числом, то ли правительство отдало распоряжение держать проект в секрете, и чем меньше народу владеет информацией – тем лучше.

– Это будет иметь большое значение для науки, – сказал Монгол, явно повторяя чужие слова. – Настолько большое, что может коренным образом изменить наследие Сумеречной эпохи.

Более ста лет назад Южноуделье победило в войне с Объединенным Эгерским королевством. Трудная была победа. Когда эгерцы сбросили ядерные бомбы на северные территории Южноуделья, выжившие устремились на юг. Там заново отстраивались города, поднималось сельское хозяйство, развивалась промышленность. А север для южноудельцев стал синонимом страха, смерти и войны. «Не место, а чертов подарок», – говорили в народе. Название закрепилось и вскоре сократилось до звучного Дар.

Ходили слухи, что до войны там велись секретные разработки химического и биологического оружия. И именно благодаря им, а не доблести южноудельского народа, удалось одержать победу и навязать эгерцам мирный договор с капитуляцией. Поговаривали, что где-то в подземных лабораториях до сих пор продолжают эти исследования и что вовсе не из-за радиационного заражения закрыли границы Дара. Вскоре место обросло слухами, а слухи превратились в легенды, на которых не одно поколение ученых защитило кандидатские. Но Виктор знал, что, вопреки домыслам, монстры не расплодились в непролазных таежных чащах. Не изменился генофонд человечества – мутации,

проявляющиеся в основном на зараженных территориях, были либо нежизнеспособными, либо настолько незначительными, что не имели серьезных последствий. Что бы ни говорили фантасты и религиозные фанатики, дьявол не сошел на землю и расу супермутантов не вывели. Люди постепенно снова начали обживать север, заселяя брошенные деревеньки, однако Дар по-прежнему обходили стороной. По крайней мере, так сообщали официальные источники. Заметки, найденные во время второй исследовательской экспедиции, до сих пор подвергались сомнениям в научном мире: об этом Виктор писал в своей научно-популярной книге «Сумеречная эпоха: эволюция мифов».

...Господи! Защити! Пусть моя смерть будет легкой! Сегодня я встретился с одним из них... Пятый Ангел вострубил, и звезда, падшая с неба на землю, отворила кладезь бездны; и вышла саранча; и дано ей мучить пять месяцев только тех людей, которые не имеют знака Зверя на руках своих или на челе своем. Разве не это принесла с собой Сумеречная эпоха? Разве не эти порождения бездны наполнили землю, чтобы мучить люд и приносить и глад, и смерть, и болезни? Они идут – и земля содрогается под их стальными когтями. Они оставляют следы, подобные ужасным язвам, и там, где падает пена с их жвал, вырастают ядовитые травы. Они питаются болью и страхом, как пчела нектаром. Так дай мне сил, Господи!

Особое внимание в этом отрывке заслуживало описание так называемой саранчи, вышедшей из бездны. Именно эти строки намекали на известное полумифическое подразделение, якобы развернувшее свою деятельность в северных землях Дара. Ученые видели в этом скорее домыслы. Фактами, подтверждающими существование так называемых васпов в современном мире, на данный момент никто не располагал.

«Мы все узнаем завтра», – подумал Виктор, проваливаясь в тягучий сон. Ему снилось, как президент Южноуделья спускается по красной ковровой дорожке и пожимает ему, Виктору, руку.

– От лица всех граждан Южноуделья благодарю вас за вклад в развитие науки! – сказал президент. – Вы изменили мир!

Грянули фанфары.

Двигатель взревел.

Виктор ударился затылком о подголовник и проснулся.

– С пробуждением! – пропела Мириам, доставая из сумки консервы и початую бутылку спирта. – По пятьдесят?

– Давай уж по сто! – заржал Монгол, протягивая две кружки – свою и Виктора.

Ученый сконфуженно потер ладонью ушибленный затылок, выдохнул, проглотил обжигающую горло жидкость и неумело занюхал рукавом.

– Хорошо, – прокомментировал, чувствуя, как в животе разливается жар. – Скоро, что ли?

Глянул в окно. Утро принесло неожиданное тепло. Направление ветра изменилось: он подул с юга, и снежные сугробы осели, покрылись тающими метинами. Даже облака посветлели, и сквозь них проглянуло еле заметное, тусклое, похожее на слюдяное блюдце, но все-таки настоящее солнце. Наступило обманное лето. Обманка, как его называли в народе. Такая погода приходила осенью и держалась неделю, а потом, сразу после недолгого тепла,

землю накрывала суровая и холодная зима.

– Скоро, скоро, – отозвался Савелий. – Сам жду не дождусь. Ух, руки чешутся рыбалку устроить. Говорят, в здешних озерах карпы в шесть локтей водятся.

– В прошлом году Гиршам щук чуть ли не с человека ростом привез, – поддакнул Дерек.

– Шуки-то, может, и с человека ростом, – возразила Мириам. – Только есть вы их не станете. А если станете – ко мне с отравлением не приходите.

– Да где вы их найдете, озера эти, – махнул рукой Монгол. – К озерам надо западнее брать. А мы на север прем, в тайгу да болота. Не лягушек же ловить будете.

Все снова засмеялись, и Виктор в том числе. Но затем сделалось грустно. Шутливый разговор сам собой затих, люди посерьезнели и стали упаковывать вещмешки. Каждый чувствовал близость конечной цели, и это осознание накладывало отпечаток ответственности, даже торжественности, будто должно случиться что-то очень важное.

Виктор прицепил к поясу патронташ, вставил в кобуру пистолет, положил рядом винтовку с боевыми патронами. Стрелять Виктор умел из рук вон плохо, но считал, что лучше иметь под рукой собственное оружие, чем надеяться на чужую помощь.

Вездеход перевалил через холм, подмяв под себя поваленный сосновый молодняк, дернулся и остановился.

– Приехали, – доложил Дерек.

Сердце сразу ухнуло вниз. Виктор столько раз прокручивал в голове этот момент, что заучил план действий наизусть. Однако, достигнув цели, он вдруг ощутил, что все разом выдуло из головы – то ли ветром, то ли страхом.

Из оцепенения его вывел тяжелый шлепок по плечу.

– Пошли, профессор, – послышался над ухом голос начальника экспедиции. – Разевать рот потом будешь. Дома расскажешь – не поверят.

Черные глаза Монгола смеялись.

– Как же холодно! – прокомментировала Мириам, застегивая воротник комбинезона.

Ей никто не ответил – все смотрели прямо перед собой. Виктор осторожно спрыгнул в мешанину прошлогодней хвои и подтаявшего снега и тоже глянул.

Впереди, насколько хватало глаз, простирался сосновый лес. Сосны уходили на немыслимую высоту – гораздо выше тех, которые попадались в самом начале путешествия. Кроны деревьев сплетались в вышине паутиной, сквозь прорехи которой проглядывала молочная хмарь зимнего неба. Тусклое солнце, появляющееся порой из-за туч, подсвечивало хвою золотистыми бликами, и казалось, будто с неба льется дождь из тумана и света. Это могло быть даже красивым, но Виктор отметил то тут, то там налипшие на красно-коричневой коре великанов черные хлопья сажи. Пепел шуршал под ногами, и только сейчас Виктор вспомнил про защитную маску и поспешно опустил ее на лицо.

Согласно инструкции, Дерек остался в машине, держать связь по рации. Савелий должен был сопроводить оставшихся участников экспедиции к пункту назначения и ждать, пока те собирают образцы.

– Идти совсем недалеко, – сказал он. – Я проложил маршрут в максимальной близости от объекта. Ближе подобраться не могу – фон зашкаливает, да и дальше сплошной бурелом. Навернешься, так костей не соберешь.

– Куда идти-то? – спросил Виктор, все еще замороженный зрелищем соперничества между небесным золотом и земной чернотой.

– Сам не видишь? – ответил Монгол.

Виктор взгляделся в молочную хмарь на горизонте. Показалось: сквозь стволы деревьев явственно проступили очертания чего-то огромного, веретенообразного, чему он еще не мог подобрать название, но Мириам уже сняла с языка вертевшееся слово:

– Улей...

– Их цитадель, – мрачно кивнул Монгол и обернулся к товарищам: – Пошли, что ли?

Участники экспедиции двинулись вперед: молчаливые, похожие на серых призраков в защитных комбинезонах. Чем дальше они продвигались, тем сильнее менялся окружающий пейзаж: реальный мир отступал, обращался в бегство с каждым новым шагом вглубь зараженного леса. Стволы сосен становились бурыми, рыжела и хвоя, отчего воздух казался налитым медью, а льющийся с вышины свет того и гляди зазвенит, подобно струнам арфы.

– Мертвый лес, – нарушил молчание Савелий. – Я слышал про него от дедов. Слишком много здесь осело радиоактивной пыли. Говорят, он светится по ночам...

– Думал, подобные леса давно снесли бульдозерами и захоронили, – обронил Виктор.

– Везде, но не здесь, – ответил ему Монгол. – Не дошли досюда чистильщики.

– Говорят, – перебил его Савелий, – много лет назад эти твари чуть не прорвались через восточную границу. Помните осаду в Волноречье?

Виктор помнил еще из курса истории то ли за седьмой, то ли за восьмой класс. Те, кто выжили и не успели перебраться на юг, устав от вечного холода и недоедания, постепенно одичали и потеряли человеческий облик, а потому спасались мародерством и каннибализмом. Теория хороша всем, кроме одного пункта – вряд ли у одичавших каннибалов были вертолеты. Но эту досадную мелочь объясняли то ли играми правительства, то ли вмешательством черных археологов, и, в сущности, какая разница, откуда и зачем над Волноречьем взялись вертолеты? Атака была отбита, и это событие так и осталось где-то между доказанным историческим фактом и легендой.

Виктор так и хотел сказать об этом Савелию, как вдруг лес расступился и впереди появилась конечная цель путешествия.

У Виктора захватило дух и, кажется, закружилась голова, когда он поднял лицо, пытаясь рассмотреть вершину исполинского сооружения. Но изъеденные коррозией и отшлифованные ветрами стены уходили ввысь, выше верхушек сосен, так что у Виктора вскоре защипало глаза, и он зажмурился и ухватился за руку стоящей рядом женщины, стараясь удержать равновесие.

– Не смотри, – запоздало сказала она.

– Я никогда не видел... ничего подобного, – пробормотал Виктор.

Это походило на гигантское веретено, установленное прямо посреди леса. Стены сооружения имели красно-бурый оттенок, где-то пустыми глазницами зияли выщербины и проемы, и было сложно определить, являлись они частью архитектуры или же были созданы стараниями матушки-природы.

– Почему же никто не обнаружил эту махину раньше? – спросил Савелий.

– Может, потому, что до севера еще не дошли руки, – ответил ему Монгол. – А может, потому, что цитадель удачно маскируется под выбранную местность. Что скажете, профессор?

Виктор развел руками.

– Это действительно похоже на улей. Но я до последнего буду утверждать, что это дело рук человека, и только его. Видите? Там, сбоку.

Он указал на стену, где под слоем ржавчины отчетливо угадывалась широкая ровная

трещина, отходившая от земли на высоту в полтора человеческих роста и, преломившись, шла уже параллельно плоскости, теряясь дальше в хлопьях грязи и рыжего налета. Дверь.

– Тебе лучше остаться, – сказал Монгол штурману. – Никто не знает, что случится дальше. Здесь пока еще безопасно и можно будет легко вызвать помощь.

Савелий кивнул: он не слишком рвался посетить неприветливое место.

Ближе к цитадели земля стала тверже, ровнее. Нагнувшись, Монгол внимательно осмотрел чистый от снега и хвои участок.

– Бетон, – прокомментировал он.

На душе полегчало. Каким бы зловещим ни казался радиоактивный лес, каким бы внушительным ни было чуждое сооружение, воодушевляло знание, что все это сделано руками человека. Страх отступил и не проявился даже тогда, когда люди подошли к основанию веретена. Вблизи стена оказалась испещрена многочисленными наростами, выщербинами, а то, что издалека люди приняли за прямую полосу щели, оказалось чем-то вроде широкой трубы, состоящей из множества сочленений. Просунув пальцы под одно из них, Монгол действительно нащупал пустоту и предположил, что это не труба, а перемычка дверной коробки, либо наличник, служащий элементом декора.

Пока Монгол возился у стены, отыскивая дверь, Мириам сошла с бетонной полосы и взяла пробу грунта. И Виктор понял, почему именно ее отправили в экспедицию: за все время женщина не высказала ни слова недовольства и не показала ни тени страха перед неизвестностью.

– Ага! Нашел! – послышался ликующий возглас.

Монгол нажал на участок трубы, и она отошла в сторону, открыв небольшое прямоугольное углубление. На мгновение Виктор засомневался в успехе предприятия. Он читал, что двери южных фортов открывались с помощью цифрового кода, но вместо множества кнопок на панели виднелось только две. Наверное, когда-то они были выкрашены в соответствующие цвета, теперь же представляли собой бесформенные куски ржавчины.

Не мудрствуя лукаво, Монгол нажал сразу обе. Верхняя застопорилась и не хотела уходить в паз, зато нижняя после секундной задержки вошла как по маслу.

О том, что Монгол угадал, возвестило длинное и визгливое шипение, как бывает, когда от станции отходит тепловоз.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«...Улей», – мысленно закончил Виктор. И какое-то время наблюдал, как громадная плита с лязгом уходила в невидимые пазы. Из открывшегося провала тугой струей ударило облако пара и пыли, дверь открылась на треть, издала стонущий скрежет и остановилась.

– Все, приехали, – прокомментировал Монгол.

Он включил рацию и произнес:

– Кушев? Ларкин? Прием. Как слышно?

– Слышно хорошо.

– Связь установлена. Прием, – в один голос откликнулись Дерек и Савелий.

– Мы готовы войти в объект, – сказал Монгол. – Здесь все закорженело от времени, но механизмы еще работают.

Он протиснулся в проем первым. За ним следовала Мириам. Замыкал шествие Виктор.

Проход проглотил людей, будто беззубый рот, и тьма сомкнулась над ними. Но тут же зажегся фонарик Монгола, выхватив из мрака покатые своды тоннеля. Вдоль стен переплетались трубы, напоминающие кровеносную систему исполинского животного, с

потолка свисали причудливые каменистые образования.

Исследователи шли гуськом, подсвечивая путь фонариками, и через несколько метров тоннель стал выше и шире, а вскоре вовсе оборвался. Люди оказались на пороге огромного зала, по форме напоминающего овал. Ярусы вырастали один над другим. Участники экспедиции так и не смогли разглядеть, насколько высоко – свет фонарика растворялся в непроглядной тьме. Пол здесь был ровный, покрытый хлопьями ржавчины и пепла. По периметру первого яруса отчетливо виднелись отверстия, похожие на соты.

– Не хватит и недели, чтобы осмотреть здесь все, – сказал Виктор и умолк, поразившись, насколько громким и чужим показался его голос в этой гнетущей, какой-то оцепенелой тишине. Так, наверное, впервые чувствовали себя археологи далеких столетий, опускаясь в лабиринты египетских гробниц. Тогда люди шли за знаниями и сокровищами. Какие открытия ждали их теперь?

– У нас три дня, – отозвался Монгол.

Рация пискнула.

– Внимание, – послышался искаженный помехами голос Савелия. – Ребята, тут что-то странное. Над лесом появился объект.

– Какого рода объект? – отозвался Монгол.

– Я не знаю, это... – Помехи. – ...Становится больше... – Помехи.

– Прием, прием! – закричал Монгол. – Что со связью?

В радиации что-то шелестело и щелкало.

– ...Оранжевый, похожий на стрекозу, по крайней мере... хвостовая часть длиннее любого знакомого нам...

– Это вертолет? – одними губами прошептала Мириам.

– ...Снижается, – продолжала отщелкивать рация. – Я попробую...

Что-то загрохотало, отрывисто и гулко, будто град размером с гусиное яйцо рассыпался по железным крышам.

– Всем на выход, – скомандовал Монгол. – Но осторож...

Снаружи прокатился грохот.

Своды пещеры ответили на это легкой вибрацией, рядом упал и рассыпался в крошку кусок сталактита.

– Что, черт возьми... – начал Виктор.

Что-то прогремело во второй раз, но теперь это больше походило на раскатистый звон колокола. Земля застонала и поплыла под ногами. Виктор сгреб Мириам в охапку, спиной прочувствовав укусы осыпавшихся дождем камешков. Краем глаза он видел, как упал и прикрыл голову Монгол. Гул разрывал барабанные перепонки.

А потом внезапно все закончилось, и наступила тишина.

Они остановились у выхода, беспомощные и изумленные.

Оледенелый склон оврага поблескивал извилистым масляным следом. Комья снега были разметаны по бетонной дорожке, неподалеку продолжало крутиться дымящееся колесо вертолета. А сам вертолет лежал в стороне, проломив смерзшуюся корку наста. Оранжевая морда представляла собой смятую грудку металла, хвост изогнулся и торчал перпендикулярно земле. Из-под обломков тянулись струйки густого дыма.

А поблизости от входа в цитадель лежал Савелий.

Его серый комбинезон стал красным, из правой щеки торчал обломок железа. Кровь пузырилась, ленивыми толчками стекая на снег. Сквозь ватное облако оцепенения Виктор слышал, как Монгол вызывает по рации Дерека, но на том конце раздавался только треск помех, и Монгол страшно матерился. В сердцах отключил рацию, снял с предохранителя пистолет, после чего широкими шагами направился к упавшему вертолету – подошвы ботинок давили осколки стекла.

Страхнув оцепенение, Виктор потянулся следом. Мириам вцепилась в его рукав, но тут же отпустила, робко побрела вслед за мужчинами.

Вертолет действительно принадлежал чужакам.

Виктор не мог припомнить ни одного рода войск в южноудельных землях, где технику окрашивали бы в оранжевые цвета. Или использовали такие зазубренные с одной стороны лопасти, будто ножи для разделки мяса. Или где эмблема, черной краской нанесенная на двери и хвост, напоминала бы насекомое: шесть лучей-ножек, вытянутые эллипсы крыльев и в брюшко вписана латинская W.

– Ждите, – велел Монгол.

И только потом осторожно заглянул в остатки кабины через зияющее отверстие, по краям обрамленное колючей бахромой стекла. Виктор тоже шагнул вперед и осторожно глянул через его плечо.

В кабине находилось двое людей. Вернее, то, что от них осталось. Тела были изуродованы и изломаны, будто пережеваны исполинскими челюстями. У пилота в лице торчали осколки стекла, но ладони намертво влипли в рычаги: до последнего момента он пытался избежать катастрофы, спасти жизнь пассажира.

Одежда мертвецов была пропитана кровью и изорвана, однако легко угадывался ее изначальный цвет – желто-коричневый, почти горчичный. Шеврон на рукаве пилота был точной копией эмблемы с обшивки вертолета.

– Это военные? – глупо спросил Виктор.

Монгол покачал головой:

– Я не знаю...

Разом вспомнились все известные легенды. И только теперь Виктор ясно осознал, что они, трое напуганных людей, находятся вдалеке от цивилизации, посреди зараженного таежного леса, а за их спинами высится молчаливая цитадель исчезнувшей культуры.

Только – исчезнувшей ли?

– Тут есть кто-то еще, – внезапно сказал Монгол.

Немудрено, что третьего пассажира вначале никто не заметил – он лежал в густой тени, завалившись набок на сиденье. Вначале Виктору показалось, что мертвец с головы до ног покрыт запекшейся кровью. Но иллюзия создавалась лишь благодаря ржавой окраске мундира. «В каких еще лесах, как не в этих, зараженных радиацией, военный камуфляж будет выкрашен в красные тона?» Тускло поблескивал черно-золотой кант. Голова с коротким ежиком выгоревших волос была опущена, глаза закрыты.

– Вдруг он еще жив? – за спиной прошептала Мириам.

Мертвец шевельнулся.

Страх океанской волной вдруг окатил Виктора, и он почувствовал, как волосы сами собой зашевелились на затылке.

«Этого не может быть. Он мертв. Точно мертв».

Такая нездоровая бледность, и заострившиеся черты лица, и впалые щеки бывают только у мертвого...

Мертвец открыл глаза.

Точнее, только один: второй был скрыт кожаной нащепкой на узком ремне. Но и в этом единственном глазу, по цвету напоминающем желтовато-зеленую болотную ряску, полыхало столько жестокости, что ступор моментально отпустил Виктора. В одну секунду, повинувшись скорее инстинкту, нежели разуму, ученый выдернул оружие и отскочил вбок.

В тот же миг страшно грохнула и отлетела дверь вертолета. От неожиданности Виктор остолбенел, и ему хватило сил только на то, чтобы повернуть голову и увидеть, как падает Монгол. Выпущенная им обойма прошила обшивку вертолета. Сам Монгол лежал навзничь, суча ногами и хватаясь скрюченными пальцами за перерезанное горло. Рядом вскрикнула Мириам, и ее голос превратился в беспорядочное бульканье – в основании шеи торчало что-то черное, длинное, подрагивающее, похожее на тонкое копьё. Виктор застыл от ужаса, глядя, как падает его спутница.

«Как же так... как же так? – крутилось в голове. – Ведь она же не нападала...»

Холодный ветер с размаху дал пощечину. Виктор поперхнулся и рефлекторно нажал на спусковой крючок. Дуло дернулось, осветилось короткой вспышкой.

«Мимо!» – пронеслась лихорадочная мысль.

В горле стало сухо, как в выкипевшем чайнике. Все это произошло в долю секунды. Округлившимися глазами Виктор видел, как приближается человек в ржавом мундире, целый и невредимый.

Он шел неуклюже, как бы неуверенно, впечатывая каблуки глубоко в мерзлую землю. Виктору казалось, что она стонет и трескается, не выдерживая веса незнакомца, хотя тот и уступал ученому в росте и телосложении. Но с ним надвигалась какая-то невидимая, сокрушительная сила, готовая навалиться, подмять под себя, раздавить. Наклонившись над конвульсивно подергивающимся телом Мириам, незнакомец вытащил из ее горла тонкий прут, оказавшийся стеклом с заостренным лезвием на конце. Из раны фонтанчиком брызнула кровь.

Виктор стряхнул оцепенение и закричал:

– А ну, стоять! Не приближайся, иначе я выстрелю снова!

И выругался.

Человек остановился, втянул голову в плечи. Руки безвольно болтались вдоль тела, единственный глаз сочился болотной мутью. Зомби – вот кого он напоминал. Мертвеца, ожившего только наполовину.

– Опустит пистолет, идиот, – скучно произнес он.

Его свистящий, полностью лишенный эмоций голос отчетливо слышался в застывшем воздухе, промозглым туманом заполз под черепную коробку.

Виктор сжал зубы, стряхивая гипнотическую паутину ужаса, процедил:

– Я дважды не повторяю! Еще шаг, и...

Незнакомец тяжело передвинул ноги. Виктор краем глаза отметил, как его рука в перчатке с нашитыми пластинами крепче обхватила гибкий прут стека.

«Стреляй! Иначе будет поздно!»

Виктор выстрелил снова.

Резкий, заставивший ученого вздрогнуть свист оборвался приглушенным всасывающим хлопком. Виктор увидел, как правая штанина незнакомца, прямо над коленом, наливается багряной влажной тяжестью. Он покачнулся, но не отступил. Вместо этого тонкие губы стали растягиваться и кривиться – широко, счастливо, словно незнакомец только и ждал этого решающего выстрела.

А в следующую минуту запястье Виктора вдруг пронзили тысячи болевых игл, пистолет выпал, стукнувшись о мерзлые камни. Он даже не сразу понял, что крик, взорвавший настороженную полуденную тишь, был его собственным. Гибкий стек хлестнул по ногам, рассекая ткань комбинезона, и Виктор упал на колени. Его ударили по лицу: не острыми гранями металлических пластин, ладонью, но достаточно сильно, чтобы из левой ноздри Виктора потекла кровь. Потом к его запрокинутому вверх лицу придвинулось лицо незнакомца («когда он успел подойти, этот неповоротливый зомби?»), и Виктор почувал легкий запах: сладость и гарь. Черный кружок повязки на косом ремне был похож на впадину открытого электрического щитка, показалось: если сдвинуть повязку, можно увидеть микросхемы и обрывки проводов.

– Это первый и последний раз, когда я позволяю тебе сделать такое, – снова раздался над самым ухом ровный голос. – Уясни урок.

Виктор хрипел и хватал ртом воздух, пытаясь безуспешно выкарабкаться из мертвого захвата незнакомца. Боковым зрением он видел лежащую в снегу и хвое Мириам. Все это казалось нереальным. Сном. Сил на сопротивление не осталось, и он только и мог, что коротко кивнуть.

Незнакомец склонил голову набок, прислушиваясь к отдаленному гулу.

– Идем.

Хватка на горле ослабла. Руки больно заломили назад, толкнули в спину. Сквозь пелену полубморочного состояния Виктор успел заметить, как незнакомец грубо заталкивает его обратно в цитадель, сквозь мрак и тишину тоннеля, в нижние ярусы-соты улья. Ткнув Виктора лицом в окаменевшую стену, навалился сверху сам.

– Тихо.

Сначала Виктор не слышал ничего, кроме биения собственного сердца. Потом ему почудились шаги – тяжелые и шаркающие. И тихие голоса, усиливающиеся акустикой пещеры. Разговаривали двое.

– Здесь вертолет, – сказал один.

– И чужаки, – отвечал ему другой.

– Чужаки мертвы.

– Солдаты мертвы тоже.

– Их было трое.

- Двое солдат. Один офицер.
- Все мертвы.
- Где тело?
- Разбилось.
- Я чую запах.
- Это запах улья.

Виктору казалось, что он бредит. Короткие рваные фразы спорящих кружили голову, звучали все быстрее, будто взмахи лопастей ветряной мельницы.

- Он мог уйти, – тем временем снова сказал первый.

Второй возразил ему:

- Никто не уйдет от Королевы.
- Он мог спрятаться в улье.
- Тогда мы взорвем улей.
- Да. Это по Уставу, – наконец согласился первый.

Голоса стихли. Сердце Виктора колотилось, едва не выскакивая из горла. Он не сразу заметил ослабевшую хватку на своей руке и очнулся, лишь когда незнакомец шепнул ему:

- Идем.
- К-куда?

Голова шла кругом: этот человек убил его друзей, но не убивает его самого по какой-то неведомой причине.

- Вниз, – ответил незнакомец. – В катакомбы. Улей взорвут.
- Кто они?! – почти закричал Виктор.

«Кто ты?»

- Васпы.

– Меня будут искать, – Виктор еще хватался за обрывки того знакомого мира, в котором остались его работа и его коллеги по экспедиции. Он вспомнил, что в вездеходе остался Дерек, и если он видел падающий вертолет, возможно...

- Нет, – оборвал мысли незнакомец. – Думаешь про вездеход? Водитель тоже умер.

В этот момент Виктор вывернулся из захвата и пнул своего мучителя в колено. Тот со свистом втянул воздух, но даже не покачнулся. Вместо этого пальцы снова сжали Виктору горло так, что перед глазами радугой вспыхнули разноцветные искры.

- Что... тебе нужно? – прохрипел Виктор.
- Симбиоз.
- Я... не понимаю...

Он снова начал задыхаться и вдруг почувствовал резкую боль и жжение: лезвие стека крест-накрест располосовало ладонь.

– Пока ты нужен, – сказал незнакомец, – никто не причинит вреда. Пока жив я – жив и ты.

Он убрал пальцы с горла Виктора и стиснул пораненную ладонь. На пол закапала кровь. Когда он отнял руку, Виктор увидел, что на ладони незнакомца тоже сделан надрез.

– Договор скреплен кровью, – сказал незнакомец. – Теперь я не смогу тебя убить. Даже если захочу. Пока срок договора не истечет.

- Когда же он истечет? – машинально спросил Виктор.
- Когда я получу желаемое. Теперь спускаемся. Скорее.

Глаза Виктора почти привыкли к темноте. Он видел, как незнакомец произвел ряд

манипуляций над выщербленной поверхностью стены, и пол зашевелился, разошелся в стороны. Узкая каменная лестница уходила во тьму, слабо подсвеченную серебром.

Лезвие стека не сильно, но настойчиво кольнуло под ребро, вынуждая сделать первый шаг. И начался спуск в подземелье. В голове еще колыхался туман, но единственное, что Виктор уяснил твердо, – ему не стоит перечить.

– Переждем здесь, – сказал незнакомец.

В подземелье пахло сыростью и гнилью. Стены, покрытые восковым налетом, фосфоресцировали мягким белым светом. Виктору захотелось взять пробу этого вещества, но он вспомнил, что склянки остались в сумке Мириам. Коридор уходил вперед, раздваивался, уходил снова и раздваивался еще – бог знает, на сколько миль растянулся этот подземный лабиринт.

«Не хватит и недели, чтобы раскрыть все тайны...»

Не хватит и жизни. Тем более что она так коротка и свои дни ведущий сотрудник Института Нового мира закончит вдали от цивилизации, в затхлом и сыром подвале наедине с сумасшедшим маньяком, убегающим... А действительно, ведь не за Виктором же пришли те двое? И не из-за Виктора хотели взорвать цитадель.

– Разве ты не один из них? – спросил у незнакомца Виктор.

Тот кивнул, прислушиваясь к звукам наверху.

– Но ведь они гонятся за тобой? Почему?

– Я предатель.

Виктор промолчал, и незнакомец пояснил:

– Я предал Устав и Королеву. Хочу получить то, что никто еще... Ложись! – вдруг страшно закричал он и накрыл собою Виктора.

Где-то наверху прогрехотал громовой раскат. Земля просела, сверху просыпался дождь камней и сажки. Волны подземного гула, почти не слышимого человеческим ухом, но осязаемого кожей, накатывали и прошивали каждую косточку. Вместе с ними накатывала дурнота, и уши заложило ватой.

«Вот и все», – подумалось Виктору.

И пришла тьма.

Очнулся Виктор оттого, что его резко рванули вверх, едва не выдернув руки из суставов. Прямо перед глазами возникло незнакомое серое лицо. Следом вернулась память.

«Убийца. Это он убил...»

Виктор вскрикнул, не слыша собственного голоса, толкнул убийцу в грудь. Человек в ржавом мундире перехватил его руку, что-то процедил сквозь зубы и нахмурился, ожидая ответа. Потом звонко ударил Виктора по щеке. Тот дернулся, втянул слюну. Противная вага, заложившая уши, исчезла. Остался только далекий звон.

– Лучше? – холодно поинтересовался незнакомец.

Виктор дотронулся дрожащими пальцами до ушей.

– Что это было?

– Был улей, – в обычно бесстрастном тоне послышалась издевка. – Но его больше нет. Тебя контузило. Помоги.

Он опустился прямо возле стены, и при слабом свечении Виктор разглядел, что правая нога незнакомца промокла насквозь.

Кровь.

Что делают убийцы с теми, кто стреляет в них и попадает?

Незнакомец достал стек. При виде отточенной стали Виктор отступил.

– Я не собираюсь трогать тебя, – без улыбки сказал незнакомец. – Надо вынуть пулю.

Он натянул заскорузлую ткань. Осторожно поддев острием стека край крохотного отверстия – след пули, – незнакомец сделал надрез. Нога дернулась. Кровь полилась сильнее.

– Я же сказал помочь! – в тоне незнакомца появились нетерпеливые нотки.

– Да почему? – закричал Виктор. – Почему я должен тебе помогать?

Некоторое время они буравили друг друга взглядами. Виктор – с отвращением и недоверием, незнакомец – с холодной расчетливостью.

– Ты должен довериться мне, – сказал наконец он.

– Ты убил людей!

– Это было необходимо.

– Необходимо убить?

– Они могли убить меня, – возразил незнакомец.

Паршиво, но в его словах был смысл. Виктор вспомнил, как Монгол снимал пистолет с предохранителя, осторожно подступая к упавшему вертолету. Врага берут в плен или убивают.

Незнакомец спокойно выдержал взгляд ученого.

– Нужен только один, – пояснил он. – Я выбрал тебя.

Виктор в раздражении вскинул руки.

– Ты сам пришел в Дар, – заметил незнакомец. – Тебе нужен ответ. Я могу дать его тебе.

– Это черт знает что такое, – пробормотал Виктор. – Какой уж тут ответ, когда все мертвы, а цитадель...

– Есть еще.

Виктор замер.

– Еще?

– Дальше на севере, – прошелестел незнакомец. – Никто из ваших там не был. Есть заброшенные ульи. Есть целые и действующие, вроде того, откуда прилетел я.

– Ты? – Виктора обожгло волной понимания и страха.

– Я, – отчеканил незнакомец. – Я васпа.

Свистящее слово послало вдоль позвоночника Виктора колючие иголки мурашек. В ноздри вновь ударил запах медовой сладости и гари. И к нему примешивался другой – его Виктор тоже безошибочно выделял среди остальных. Запах нагретого металла, возможно, меди. Узнаваемый запах страданий и надвигающейся смерти. Крови.

– Я знаю, зачем ты пришел, – продолжил незнакомец. – Тебе нужны такие, как я. Исследования? Я дам это тебе. Доказательства? Оно перед тобой. Может, ты хочешь сокровища Королевы? Я добуду и это. Все, что пожелаешь. Я могу. Я имею власть.

– Ты убил людей, – устало прошептал Виктор, приваливаясь к стене.

– Мы это обсудили, – нетерпеливо прервал незнакомец.

– А тех, в вертолете... – продолжил Виктор. – Ты ведь убил и их тоже?

– Они не люди.

– Убил?

– Они жертвовали ради меня. Я – офицер претории. Я важнее. У меня власть. Без меня ты не доживешь до утра.

– Это угроза? – спросил Виктор.

– Ничуть, – спокойно отозвался незнакомец. – Вы, чужаки, пришли в опасное место. Если тебя не убьет радиация, убьют васпы. Или те, кто бродит ночью по болотам. Без меня ты не выживешь. Посмотри на свою руку.

Виктор посмотрел. Кровь уже не сочилась из крестообразной раны, и надрез затягивался, словно прошла неделя, а никак не пара часов.

– Симбиоз, – сказал незнакомец. – Я поделился силой с тобой. Это доказательство.

Усиленная регенерация. Виктор одурело разглядывал шрам, ощущая, что еще немного, и сойдет с ума. Потом спросил:

– Что же ты хочешь взамен?

Незнакомец холодно улыбнулся:

– Для начала – вытащить пулю. Подержи ногу. Чтоб не дернулась.

Виктор слабо кивнул. В конце концов, много ли он терял? Все его друзья мертвы. А незнакомец прав: в зараженной зоне скрывалось куда больше опасностей, чем он мог себе представить. Кто знает, сколько времени он еще пробудет здесь и вернется ли домой живым?

Он присел рядом и потянул за окровавленную ткань. На руки брызнул фонтанчик крови. Виктор отвернулся, стараясь не смотреть, как лезвие стека погружается в рану. Уже в который раз за прошедшие сутки подташнивало. Возможно, еще и потому, что последний раз Виктор ел на рассвете.

– Достаточно, – наконец сказал незнакомец.

О пол звякнул продолговатый кусочек свинца. Виктор поспешно отдернул руки и вытер ладони о собственные штаны.

Что же дальше?

– Послушай, – начал он и запнулся.

Только теперь он понял, что не знает, как обращаться к незнакомцу.

– Послушай, – еще раз попробовал он. – У тебя вообще есть имя? Я никогда раньше не

общался с... подобными тебе.

– Ян, – имя незнакомца было таким же кратким, как взмах его стека.

– Я Виктор, – угрюмо буркнул ученый, в свою очередь, и поглядел наверх. – Как теперь выбраться отсюда? Если цитадель взорвана, мы погребены под ее обломками. Может, здесь есть другой вход?

– Есть, – согласился Ян. – Идем.

Он начал вставать, опираясь о стену. Из раны потекла кровь, но Ян не обратил на это никакого внимания.

– Нечувствительность к боли? – вскользь поинтересовался Виктор.

– Нет, – отозвался Ян. – Но я умею это контролировать. Скоро пройдет.

Он шагнул вглубь лабиринта. И Виктору ничего не оставалось, как последовать за ним.

Вскоре он снова потерял счет времени и совершенно заплутал в пространстве. Картина не менялась – те же покатые своды, те же сплетения труб, бесчисленные повороты. По телу разливалась слабость, и Виктор брел, как сомнамбула, держа за ориентир сутулу, обтянутую красной тканью спину Яна. Когда его силуэт начал расплываться, Виктор окликнул:

– Эй! Может быть, сделаем передышку?

– Нельзя, – глухо отозвался идущий впереди Ян. Он прихрамывал на раненую ногу, но темпа не снижал. – На рассвете нас будут искать.

– Тогда лучше переночевать здесь.

– Нельзя. Здесь слишком холодно ночью. Ты не выдержишь. Должны успеть к заходу солнца. Будет время, чтобы найти вездеход.

– Ты сказал, что Дерек мертв.

– Он мертв, – с жесткой уверенностью ответил Ян. – Но если вездеход цел, можно переночевать там. Уедем на рассвете.

– Почему мы не можем уехать ночью?

Ян коротко вздохнул, будто сожалея, что приходится разъяснять непонятливому человеку прописные истины, терпеливо ответил:

– Нельзя ночью. Открываются болота. – И, подумав, добавил: – Опасно.

Больше Виктор не стал ничего спрашивать. Манера Яна разговаривать утомляла, да еще отяжелела голова, будто Виктор основательно принял на грудь, и чувствовалось, что еще немного – и он свалится прямо здесь, в пустой кишке коридора. Как раз в этот момент Ян остановился:

– Здесь.

– Как ты узнал? – сонно спросил Виктор.

На его взгляд, помещение ничем не отличалось от только что пройденных. Ян не ответил. Он обследовал стену, точно так же, как делал в первый раз, открывая подземный ход. И точно так же, незаметно для Виктора, из стены с грохотом выдвинулись ступени.

– Следуй за мной.

Подниматься Яну было трудно – хромота давала о себе знать. Тем не менее он достиг вершины лестницы и откинул крышку люка. На Виктора повеяло свежестью морозного вечера. После длительных переходов в сыром подземелье это было почти счастьем. Только одна мысль омрачила недолгую радость.

– А если здесь засада?

Ян отрицательно качнул головой.

– Нет. Я бы их учуял.

Они выбрались на воздух.

День перевалил за полдень, и солнце скрылось за завесой туч. С севера надвигался осенний ранний вечер. Небо вплотную прижалось к земле, напоролось сизым брюхом на островерхие макушки сосен. Мороз ощутимо колот лицо и руки, и Виктор плотнее запахнул куртку.

– Куда теперь идти?

Ян указал вправо.

– Туда.

Теперь Виктор не стал спрашивать, откуда он узнал: по левую руку за кронами деревьев поднимался серый столб дыма или пепла – все, что осталось от некогда величественной цитадели.

Все, что осталось от экспедиции. Четыре трупа в заснеженном лесу.

Виктор сглотнул застрявший в горле ком.

Бежать!

На воздухе голова немного прояснилась, и вся абсурдность ситуации предстала как на ладони. Оружия у Виктора не было. Сил сопротивляться тоже. Но теперь, когда враг ослаблен и ранен, можно было попробовать бежать. Первым добраться до вездехода, вызвать подкрепление по рации. Чуть дальше к юго-востоку должны встречаться небольшие деревушки и села. Оттуда добраться до железнодорожной станции, а потом...

– Не пытайся. – Ян словно прочитал его мысли. – Не доберешься до людей. Погибнешь.

Он ухватил Виктора за плечо, отчего тот вздрогнул, развернул лицом.

– Клянусь, – произнес он с напором. – Ты нужен. Я спас тебя. Никто не причинит тебе вреда, пока я рядом. Я не причиню вред никому, пока не попросишь ты. Это, – он поднял разрезанную ладонь, – договор. Понимаешь?

Виктор мало что понял, но кивнул. Контакт с этим существом пугал его. С одной стороны, ощущение, будто это какой-то розыгрыш, не покидало Виктора. Однако что-то неуловимое витало в воздухе и настойчиво кричало об обратном. Что-то, протянувшееся между Виктором и его жутким спутником. Невидимое, но прочное, как струна. И откуда-то пришла мысль: «Он знает, что делает. Просто доверься. Договор...»

Голова закружилась снова. Виктор сдался. По-мальчишески шмыгнул носом и двинулся следом. Вслед за головокружением вернулась и усталость. Ноги двигались с трудом, хотелось есть и спать. Близость Яна усугубляла положение: невидимая сила пригибала Виктора к стылой земле, и он тащился, как старая кляча на бойню.

Ян шел, сильно ссутулившись, спрятав подбородок в узкий воротник, стараясь не коснуться заиндевевших металлических застежек. И вскоре он тоже начал сдавать. Виктор заметил это не сразу, так как и обычная походка Яна была походкой больного человека. Сначала Ян замедлил шаг, потом и вовсе стал подволакивать правую ногу.

– Кровь не останавливается, – резюмировал Виктор.

Ян кивнул.

– Договор отнимает много сил. Нужно восстановиться. Грядет ночь.

– Почему ты думаешь, что твои... гм... васпы не будут искать нас ночью?

– Ночью васпы спят, – объяснил Ян. – Разве люди не делают того же?

Виктор сплюнул. Ему показалось, что васпа улыбается.

Вскоре под подошвами захрустел ледок.

– Не знал, что здесь болота, – обратился ученый к своему спутнику. – Когда мы шли к цитадели, ничего подобного не обнаружили.

– Болота подступают с запада, – пояснил Ян. – Здесь они совсем мелкие. Все равно опасно. Те приходят из глубоких.

– Кто? – спросил Виктор.

Ян не ответил и указал вперед.

На пригорке лежал Дерек. Он был совсем белый и окоченевший, небрежно засыпанный снегом и хвоей. На виске коркой запеклась кровь.

Один удар. Колкий, как укус змеи.

– Он не мучился, – без эмоций, констатируя факт, произнес Ян.

Виктор сжал кулаки. Ком в горле появился снова.

– Я хочу похоронить его, – начал он, но Ян схватил его за плечо.

– Нет, – возразил он не терпящим пререканий тоном. – Это откуп.

Сил на сопротивление не осталось. Виктор вытер варежкой слезящиеся глаза и побрел к вездеходу.

Внутри ничего не изменилось. Валялся пустой походный чайник, в термосумке лежали консервы, в кружке застыл недопитый чай. Будто ничего не произошло. Будто вот-вот откроется дверь и в вездеход первым впрыгнет Савелий, опустит руки и примет хохочущую Мириам, потом войдет Монгол, усмехнется в ус и скажет: «Что расселся, профессор? Наливай, обмоем твое открытие».

Виктор в изнеможении опустил в кресло. Дремота подмяла под себя, оглушила. Он почувствовал, будто проваливается в теплую вату. Хотелось спать, но спать было нельзя: рядом находилось одноглазое чудовище, для которого человеческая жизнь значила меньше, чем жизнь комара. Усилием воли Виктор заставил себя разлепить отяжелевшие веки.

Ян стоял рядом и протягивал ему открытую банку консервов:

– Ешь.

Виктор послушно зачерпнул ложкой, проглотил, почти не почувствовав вкуса.

– Умеешь управлять?

Он не сразу понял, о чем говорит Ян, а осознав, с сомнением качнул головой.

– Не знаю... не очень хорошо. У нас было два пилота. Оба мертвы.

Ян пожал плечами.

– Не страшно. Разберусь. Я знаю многие виды вашей техники. Сейчас нужно пережить ночь. Нужно тепло.

– Можно включить печку, – сонно ответил Виктор. – Но я не знаю, на месте ли ключи...

Словно отгородившись от происходящего, он медленно поглощал холодную тушенку и будто в тумане видел, как Ян выходит из вездехода, как – это было видно в переднее стекло – идет к лежащему на снегу Дереку, как обшаривает его куртку и возвращается назад с ключами. Наконец мерно загудел двигатель, а потом и вентилятор, нагревая оледеневшую кабину. Виктор более осмысленным взглядом оглядел машину и увидел, что Ян сидит в стороне и сосредоточенно перебинтовывает раненую ногу.

Сейчас, в свете электрической лампы, он уже не казался таким страшным. Виктор не отличался атлетическим телосложением, но и по сравнению с ним Ян выглядел довольно щуплым. Еще у него оказались слегка оттопыренные уши, почти незаметные на бледном лице веснушки и белесые, под стать волосам, брови. Если бы не паутинные нити шрамов, выбегающих из-под кожаной повязки на щеку, – заурядное, совсем не старое лицо.

Закончив, Ян встал и неспешно захромал к шкафчику с вещами и припасами, выгреб оттуда спальники и ватные одеяла, которыми участники экспедиции укрывались во время сна, достал пакет лапши, оглядел, отбросил в сторону. Хлеб постигла та же участь. Наконец вытащил коробку рафинада. Достал один кусок, понюхал, потом лизнул.

– Сахар, – довольно сказал он.

Засунул кубик в рот. За первым отправился второй.

– А потом что? – спросил Виктор. – Когда пройдет ночь?

– Уедем.

– Куда?

– На юг.

– Если тебе нужно на юг, – сказал Виктор, – почему ты не отправился туда сам?

– Не могу. Ты чужак здесь. Я чужак там, – пояснил Ян, хрустя сахаром.

– И для этого тебе обязательно нужен я?

– Обязательно. Ты поведешь меня. Научишь, как жить в большом городе. – Подумал и добавил: – Уже ничего не исправишь. Договор на крови. А теперь надо поспать. – И видя, что Виктор открывает рот, чтобы возразить, добавил: – У тебя пара часов. И если вдруг у тебя появятся мысли о том, как избавиться от меня, – настоятельно рекомендую передумать.

В тот час, когда Монголу, Савелию Кушеву и Мириам Адлер оставалось каких-то пара часов до смерти, на другом конце мира, в однокомнатной квартире на улице Новой города Славена, проснулась Лиза Гутник.

Проснувшись, первым делом она отметила два факта: первый – выпивать она не умеет совершенно, и второй – ее карьера на поприще науки завершилась.

Вот и вчера, оплакивая неудачу, Лиза сидела на кухне своей подруги Вероники, размазывала по щекам слезы и жаловалась, что ее никто не понимает, на кафедре разгромили ее доклад как лженаучный, а руководитель Пеш домогался грязным образом.

– Трогал меня за колено! – с ненавистью говорила Лиза. – Представляешь? Положил свою мерзкую лапу мне на колено! Ты только подумай!

Вероника сочувственно вздыхала и подливала подруге шампанское. Такими темпами Лиза очень быстро напилась до состояния, когда горе от пережитого унижения вытеснила забота о том, как бы дойти до кровати на собственных ногах.

Теперь наступил новый день, а вместе с ним груз забот, отодвинутых на второй план, навалился с новой, пугающей силой.

– Что же мне теперь делать? – спросила себя Лиза.

Всю свою жизнь она стремилась стать кем-то. Стать лучше.

Лиза осталась сиротой в три года и до десяти лет жила в детском доме, среди таких же обделенных детей. Родителей она не помнила, остались лишь обрывки воспоминаний, и уж тем более никто не мог сказать с уверенностью, что с ними стало. Директор детского дома утверждал, что произошла авиакатастрофа, воспитательница толковала про пожар, во время которого сгорели все важные документы, а все, что помнила трехлетняя малышка, – это свое имя.

Когда Лизе исполнилось десять, она попала в приемную семью к Гутникам, и надо отдать им должное – добрые люди старались окружить ее заботой. Лиза даже походила на приемную мать – такая же пухлощекая, курносая и русоволосая. Со сводными братьями Лиза также общалась прекрасно, она была покладистой девочкой, а мальчишки опекали новоявленную сестренку и до сих пор продолжали ее любить, потому что она всегда оставалась для них младшенькой.

Лизе, с ее природным прилежанием, не составило особого труда окончить институт, получить биологическую специальность и продолжить обучение в аспирантуре. Преподаватели пророчили неплохое будущее на этом поприще, пока однажды Лиза не наткнулась на архивы в разделе «Криптозоология Сумеречной эпохи».

Завороженная открывшейся ей тайной наукой, Лиза проводила вечера в библиотеке, и со страниц древних фолиантов и новейших журналов в ее знакомый, привычный и живущий по логическим законам мир просачивались таинственные чудовища: рованьский зверь, ворующий домашнюю птицу и съедающий только головы, червь из глубин вулканической Ерты, исполинский озерный змей Йоркум, бесформенный и страшный кровосос Укело-Момба, и прочие, прочие...

Значительную часть криптоидов авторы легенд помещали в северные территории, еще

неизученные и малозаселенные людьми. Там выпадали радиоактивные дожди и высились рыжие леса, вобравшие в себя столько рентген, что светились в темноте, и это царство тумана и меди очаровывало романтическую Лизу.

Потом ей в руки попала книга «Сумеречная эпоха: эволюция мифов» перспективного ученого Тория, и, прочитав ее, Лиза окончательно решила посвятить себя криптозоологии. Но разработки, начатые никому не известной двадцатитрехлетней аспиранткой Гутник, не нашли одобрения у ректората.

Для Лизы это был провал.

Заварив зеленого чая и немного поплакав, Лиза решила взять себя в руки и действовать.

«Подумаешь, Пеш, – размышляла она. – Да кто он такой, в общем-то? Ублюдок и извращенец! Ух, мне бы только подняться, я все ему припомню!»

Она сжала кулачки, на мгновение погрузившись в сладкие мечты о мести. Потом вздохнула, тряхнула копной русых волос.

– Нет, – сказала себе. – Не получится. Против меня выступил весь ректорат, а это уже не один Пеш. Значит, надо что? Надо найти единомышленников, кто разделяет мои взгляды и сможет доказать, что это все вовсе не выдумки, а реально существующие, научно обоснованные факты.

Решив так, Лиза воспрянула духом. Приготовив геркулесовую кашу и нарезав сыра, девушка начала перебирать всех знакомых ей ученых, проводивших исследования в этой области.

Абтен был старым маразматиком, Шехтеля поймали на подделке чучела виррской свистухи из подручных материалов и шкур хорьков обыкновенных, Хенера и вовсе никто не принимал всерьез после скандальных статей в желтой прессе.

И когда Лиза уже начала отчаиваться, в голову пришла немного сумасшедшая, но такая реальная мысль. Она даже удивилась, почему не подумала об этом раньше?

«Сумеречная эпоха: эволюция мифов» была для нее настольной книгой.

«В самом деле, почему не Торий? – подумала она. – Не убудет же с меня, если я запишусь к нему на собеседование? Даже если прогонит... что ж. Попытка не пытка, а терять мне нечего».

В глубине души она лелеяла надежду, что Торий и примет ее, и выслушает. Она не будет слишком настойчива, верно? Она не станет подделывать ничьи чучела и докучать детской верой в тайных чудовищ. Вера – удел религиозных фанатиков, а двигатель науки – сомнение.

Приняв решение, ободренная Лиза принялась собирать вещи. До столицы было восемь часов на поезде, а еще надо заказать билеты, и рассортировать все свои наработки, и заказать в аптеке несколько упаковок инсулина.

Еще одной причиной, по которой Лиза не переносила спиртное, был ее сахарный диабет.

Встающие из болот

Виктор проснулся от неясного чувства: казалось, кто-то пристально наблюдает за ним, выжидает, дышит в затылок зловонием гнили. Он открыл глаза и первым делом увидел своего конвоира: Ян, сгорбившись, сидел в кресле, кисти рук свободно висели между колен, подбородок касался груди. Спит.

Была глубокая ночь, но сквозь заиндевевшие окна сочился зеленоватый, призрачный, какой-то глубоководный свет.

«Странно, – подумал Виктор. – Здесь нет луны, только облака. Что же тогда...»

Догадка пришла мгновенно. Конечно, это флуоресцировал зараженный лес. Разве не об этом говорилось в легендах?

Горячая волна прокатилась по телу.

Весь остаток дня Виктор провел без маски, в разорванном комбинезоне. Сколько же рентген он успел поймать? И как скоро начнутся необратимые последствия облучения?

Во рту разом пересохло, однако странность заключалась в том, что Виктор чувствовал себя хорошо. На редкость хорошо, надо заметить. Подействовал ли кратковременный сон или немудреный ужин, но Виктор никогда не чувствовал себя таким отдохнувшим и полным сил.

Будто открылось второе дыхание.

Может, так и приходит смерть...

В это время снаружи кто-то постучал.

Виктор замер, склонив голову набок, прислушиваясь. Но не было никаких звуков, кроме низкого гула работающей печки. Никакого движения вокруг. Выжидающая тишина повисла в воздухе, будто липучка для мух.

Стук раздался снова.

Это был робкий, какой-то царапающий звук. За дверью кто-то ощутимо вздохнул.

Кто-то?

Во всем лесу на многие мили вокруг не было никакого человеческого жилья. Не было ни одной живой души, кроме Виктора и его неподвижного спутника. А еще в каких-то пяти метрах от вездехода, в рыжей грязи, лежал труп Дерека.

Стук повторился. На этот раз настойчивее.

Виктор подскочил, будто в нем развернулась пружина.

– Да что это такое, в самом деле? – вскричал он. – Кто там?

– Молчи.

Это сказал Ян.

Он проснулся, но позу не сменил, только приподнял посеревшее лицо. Его тусклый взгляд (взгляд покойника) уперся в облупленную дверь.

– Если это шутки... – начал Виктор.

– Шш! – перебил Ян. Виктор умолк.

Тогда прямо под дверью раздался тихий и печальный девичий голос:

– Виктор, открой... Разве ты меня не узнал? Это я, Мириам.

Виктору показалось, что его взяли за волосы и с головой окунули в ледяную прорубь – настолько нереально прозвучали эти слова. Закостнев на одном месте, он несколько раз

открывал рот, будто хотел что-то сказать, но, не придумав ничего, снова закрывал.

– Виктор, – шепнули из-за двери.

– Не открывай, – Ян по-прежнему не менял позы. Свесившиеся серые кисти болтались, будто дохлые рыбы. Под глазами залегли глубокие тени. В лице – ни кровинки.

Виктор вдруг рассердился: «Пугают, как мальчишку!»

В два шага пересек кабину и отщелкнул засов. Дверь распахнулась широко, словно черный рот облизнулся ржавым языком, впустив вовнутрь болотное свечение зараженного леса. Деревья выступили из ночной черноты, будто зубы морского удильщика. Зеленоватые полосы причудливо ложились на снег, и казалось, что земля шевелится и дышит.

А еще прямо перед вездеходом стояла Мириам.

На ней был серый комбинезон, во многих местах покрытый грязью и ином, в меховую оторочку набилась хвоя. Лицо девушки было бледным и жалобным, даже испуганным, мокрые волосы, тусклые и неживые (будто дождевые черви – отчего-то подумалось Виктору) в беспорядке падали на плечи.

– Мне холодно, – не сказала, скорее выдохнула она.

Черный рот открылся, и зеленая жижа выплеснулась на подбородок. В воздухе начал разливаться запах болотной гнили.

Она сделала неуверенный шаг – словно кто-то с размаху ударил ее под колени, и ноги подломились, и вся фигура девушки сложилась вдвое, как детская поделка из бумаги.

Тогда Ян сорвался с места. В одно мгновение он подлетел к двери, хлопнув ею так, что затряслась кабина, задвинул засов. Его лицо, подсвеченное зеленью, было искажено в неживой гримасе, и от этого он сам казался ожившим трупом.

– Мириам... – растерянно произнес Виктор.

– Это не она.

– А кто?

В дверь что-то ударило. Не сильно, но достаточно для того, чтобы заставить ученого подпрыгнуть, а его желудок сжался, подобно бумажному пакету.

– Пусти, – вздохнуло рядом.

Холодея, Виктор осторожно приблизился к окну. В оттаявшее по краю стекло он увидел, что Мириам стоит совсем близко. То, что Виктор принимал за грязь на воротнике, оказалось засохшей кровью. Словно зная, что на нее смотрят, Мириам повернула голову. В основании ее шеи чернело отверстие – след от стека.

– Не смотри!

Предупреждение Яна отрезвило Виктора. Он откачнулся от окна, и тотчас снаружи по стеклу забарабанили ладони.

– Пусти! Пусти! Пусти! – визжало что-то голосом Мириам.

Виктор сполз по стене, зажал уши ладонями, чувствуя, что еще немного, и он сам провалится в тошнотворное и темное беспомыслие. Визг существа рос, и поднимался, и звенел, и, когда уже от звона и ужаса начала разламываться и плыть голова, вдруг оборвался каким-то икающим смешком.

– Гос-споди, – прошептал ученый. – Что же это такое?

Ян не ответил. Он сгорбился, вжал голову в плечи. Снаружи было тихо.

Так тихо, что Виктор слышал биение собственного пульса. Это успокаивало его, морок уходил, и когда Виктору все происшедшее уже стало казаться сном, под дверью снова кто-то вздохнул. Он подполз к окну и глянул в самый краешек, страхась увидеть зеленое лицо

покойницы с черной раной на шее, но вместо Мириам напротив окна маячила другая девушка.

Она была совсем юной, почти ребенком, и стояла босиком на стылой земле. Белоснежная сорочка, едва прикрывающая бедра, просвечивала насквозь, открывая все прелести молодого, едва сформировавшегося тела. Ладони девушки были прижаты к груди. Она мелко дрожала на ветру и казалась совсем тонкой, почти прозрачной – Снегурочка из старинных сказок.

– Ян... – жалобно вздохнула она.

Виктор метнул взгляд на своего спутника. Меньше всего он был готов услышать его имя в пропитом морозной зеленью воздухе. Но Ян будто не слышал и по-прежнему сидел тихо, впевив в пустоту неподвижный взгляд мертвеца.

Девушка между тем заплакала.

– За что ты так со мной, Ян? – всхлипывала она. – За что ты меня оставил одну, в темноте и холоде? Мне страшно. Мне душно. Давит на грудь...

Она скрюченными белыми пальцами потянула ворот сорочки. Ткань затрещала, начала расплзаться туманом.

– Не прячься от меня, Ян, – продолжала шелестеть она. – Я знаю, что ты здесь. Я чувствую твой сладкий запах. Почему ты избегаешь меня? Разве я не любила тебя, не отдала тебе свою чистоту, свое тепло, свою сладость?

Ладони девушки скользнули вниз, между ног, под подол сорочки. Бедра затрепетали и сжались.

– Разве тебе не было сладко, Ян? Когда взрезал меня, как ножом, когда погружался в мою мягкую плоть? – она начала извиваться сладострастно. – Я часто тебя вспоминаю, когда лежу в глубине земных хлябей. Ряска укрывает меня одеялом, и болотная жижа втекает в меня мягко, сладко... Мы все вспоминаем тебя, мой хороший. И Званка, и Мария, и Зейна... Все, кого ты любил, кого оставил лежать в тишине и темноте болот...

Она начала хихикать. Ладони гладили бедра, живот, груди. Ногти впивались в тело, оставляя кровоточащие раны. Голова запрокинулась к небу и дергалась, сотрясаемая хохотом.

– Возьми меня, Ян! – кричала она. – Возьми меня! Люби меня!

Виктор отполз от окна. Сердце колотилось с удвоенной силой, но Ян сидел тихо. Казалось, ничто из сказанного существом не достигло цели. Он молчал. Затихли и крики снаружи.

Прошло много времени, прежде чем Виктор снова глянул в окно.

Морок ушел. Ночь летела над лесом, будто огромная птица лениво взмахивала громадными крыльями. В кронах деревьев протяжно стонал ветер, сосны стояли неподвижно и скорбно, как поминальные свечи. Вдалеке, то тут, то там, вспыхивали и гасли болотные огоньки. Где-то раздавался хруст, будто чьи-то тяжелые лапы подминали многолетний бурелом.

Виктор с трудом поднялся и пошел к двери.

– Не ходи, – сказал Ян.

– Я по нужде.

– Терпи.

– Там же никого нет!

– Они вернутся.

Виктор махнул рукой. Сейчас все происшедшее казалось ему сном. Не было ни Мириам,

ни призрачной девушки-Снегурки.

«Может, я сплю, – подумал он. – Может, все это путешествие – сон...»

Виктор вышел на воздух, и на этот раз Ян не стал его останавливать. На всякий случай далеко отходить он не стал и справлял малую нужду, просто зайдя за машину.

В том, что все ему привиделось, говорило и отсутствие следов возле вездехода. Воздух привычно пах хвоей и смолой. Застегнув штаны, Виктор повернулся.

Прямо перед ним стояла женщина.

Обычная женщина в обычной одежде, с меховыми наушниками в курчавых волосах, с почталыонкой через плечо. Женщина из далекого прошлого. Женщина, которую Виктор похоронил не более трех лет назад.

– Линда, – слово упало с его губ оледеневшим камнем.

В груди вдруг мучительно сжало, заныло, заворчалось сгустком памяти и боли.

Она приложила палец к его губам.

– Шш... Не говори ничего. – Ее голос был теплый, знакомый.

– Это действительно ты? – все-таки сказал он.

– Конечно, глупый. – Она улыбнулась, и сгусток боли в груди начал плавиться от теплоты и облегчения.

Это была его Линда. Линда, которая встречала Виктора в его рубашке, накинутой на голое тело. Та самая Линда, которая отчаянно боялась мышей. Которая готовила лучшие в мире котлеты по-киевски и которая хотела от него сына.

Линда, которую грузовик тянул за собой по асфальту несколько метров, пока ее голова не превратилась в месиво...

– Ты похоронил не ту Линду, милый, – сказала она. – Врачи перепутали. Сначала я лежала в коме, потом меня заново учили ходить и говорить... а потом я поехала искать тебя.

Это было правдоподобно. Настолько правдоподобно, что просто не могло быть правдой.

– Как же ты меня нашла?

«Здесь. В тайге, – хотел добавить он. – После всех этих убийств, после взрыва...»

– В институте мне сказали, куда ты поехал, – объяснила она. – Все это время я шла по твоему следу.

«По запаху...»

Линда обняла его за плечи и потянулась губами. Он закрыл глаза, проваливаясь в тягучий водоворот, в запахи хвои, вымороженной земли, женских духов. Будто что-то теплое охватило все его существо, прижало крепко и целовало долго, сладко, жадно. Казалось, его погружают в плотную грязевую жижу, горячую и влажную, погружают с головой, не давая вздохнуть. Виктору стало не хватать воздуха, и он с трудом отстранился от губ Линды, чтобы сделать передышку.

«Я люблю тебя, – хотел сказать он. – Я всегда буду тебя любить».

Но не сказал ничего.

У Линды не было лица.

В памяти возникла картина разбитого глиняного кувшина, из которого вытекает сироп. А само лицо оплывало, будто воск, пузырилось, стекало болотной жижей. Руки превратились в корявые сучья, больно впивались в лопатки. Из вздущегося горла исходила череда булькающих звуков. В ноздри ударил запах гнили.

Виктор хотел закричать – и не мог. Он задышался. Перед глазами поплыли желто-зеленые огни. Смерть пришла к нему в облике любимой женщины. И теперь была готова

забрать его с собой.

В земные хляби, в темноту и тишину болот, набить рот тиной, забить плотной тягучей грязью ноздри, рот, уши...

Существо начало смеяться. Оно раздувалось все больше, будто вспучиваясь одним гигантским пузырем грязи, заслоняло деревья, небо, весь мир. Виктор почувствовал, что теряет сознание.

И тогда оглушительный грохот вспорол плотную пелену беспамятства. Виктор почувствовал, как ослабла хватка чудовища, но не упал, а повис в чьих-то поспешно подставленных руках.

– Убирайся, – услышал Виктор голос Яна. – Вот откуп. Бери его.

Что-то недовольно заворчало, забулькало, и Виктора вырвало на снег.

Потом его втащили в вездеход, бросили в кресло, сунули в руки бутылку водки.

– Пей.

Он глотнул, закашлялся. Голова сразу прояснилась.

– Там была Линда, – пожаловался он.

– Нет, – последовал жесткий ответ. – Не было. Это болотники. Морок. Пей.

Ян снова насильно всунул горлышко бутылки в рот Виктора. Ученый выпил, шмыгая носом и кашляя, утирая рукавом распухший нос.

Снаружи, в каких-то пяти метрах от вездехода, кто-то сытно чавкал и булькал.

Всю оставшуюся часть ночи Виктор не спал, плакал, пил водку и рассказывал что-то про Линду, про болота, про затерянные племена в таежных лесах. Под утро он погрузился в беспокойный сон и не заметил, когда Ян вывел вездеход на прямую дорогу.

Проснувшись, Виктор первым делом ощутил ломоту во всем теле, к горлу подступала тошнота.

– Останови, – болезненно просипел он.

И вывалился на обочину, сотрясаясь в конвульсиях рвоты. Когда, обессиленный и уставший, он вернулся в машину, Ян сидел за штурвалом и спокойно ел шоколад.

Виктор посмотрел на попутчика почти с ненавистью.

– Не слипнется?

– Кто?

Ян продолжал смотреть взглядом мороженой рыбы и не говорил ни слова. Шутки он явно не понимал.

Виктор заварил чай. Голова постепенно прояснялась, но события прошедшей ночи все еще покалывали иголочками беспокойства.

– Слушай, то, что случилось, – наконец, не выдержал он. – Это ведь было реально?

Ян кивнул и отправил в рот новую плитку шоколада.

– Я слышал, ты обещал откуп, – сказал Виктор.

– Они его взяли.

– Какой?

– Труп вашего пилота.

Виктор смутно догадывался об этом, но все равно поморщился и сказал:

– Почему тогда они не... взяли его раньше?

– Надеялись на свежее мясо, – ответил Ян. – Почти получили.

Виктора передернуло от отвращения, едва он вспомнил обволакивающую его тело жирную грязь, текущее лицо существа (Линды).

– А ты ведь спас меня, – сказал Виктор.

Ян доел шоколад и выкинул обертку в окно.

– Таков договор, – просто ответил он.

– Откуда они взялись вообще? Почему никто никогда не видел их раньше?

Он прокручивал в голове все знакомые ему статьи по криптозоологии, по мифологии Сумеречной эпохи и Древнего мира. То, с чем пришлось ему столкнуться ночью, было чем-то новым, неизведанным, о чем вовсе не было никаких упоминаний в научных трактатах.

«Если бы я был осмотрительнее, я мог бы взять образец той грязи, – подумал Виктор. – Интересно, что это за существа? Откуда они? Придут ли они еще?»

В нем начал просыпаться дух исследователя, но спрашивать про возвращение болотников он все же не осмелился. Вместо этого сказал:

– Что ты планируешь делать теперь?

– Навестить Нанну.

Виктор поднял брови.

– Кто это? Еще одна твоя поклонница? – попытался пошутить он.

«...И Званка, и Мария, и Зейна... Все, кого оставил лежать в тишине и темноте болот...»

– Она ведьма, – ответил Ян.

Виктор почти не удивился. Может, на ум пришли легенды о северных шаманах, а может, он уже начал привыкать к этому странному миру. Как уже привыкал к человеку, убившему его товарищей.

«Наверное, – подумал он, – я слишком устал, чтобы сейчас отягощать себя вопросами морали».

Потом он снова задремал.

В полусне ему виделись рыжие леса и черные гигантские улы, вырастающие из земли на головокружительную высоту. Улы были испещрены отверстиями сот, куда ныряли длиннохвостые, похожие на стрекоз вертолеты с иззубренными лопастями. В едином оранжевом потоке они текли к сводчатому куполу и оттуда расходились в тоннели, узкие, как венецианские улицы, и стерильные, как операционные. Лампы сияли подобно десяткам солнц, но их свет был искусственным. Он не нес в себе ни тепла, ни жизни. В помещениях, похожих на лаборатории, за матовыми стеклами угадывались веретенца коконов. Они были ослепительно белыми, будто первый снег, и воздушными, как сахарная вата. Там, прикрепленные к стенкам прочными нитями пуповин, ворочались зародыши. Тоннели расходились и сходились в причудливой путанице лабиринтов, но все они вели вверх, под самый купол, где в непроглядном мраке притаилось что-то огромное и страшное. Что-то, поблескивающее медью и золотом, но что никак нельзя было разглядеть. Резко пахло озоном и гарью. И чем-то сладковато-приторным, не то карамелью, не то медом. А может, и тем и другим.

Силясь распознать очертания существа, притаившегося во тьме, Виктор тяжело дышал во сне, и пот катился с него градом. Когда уже показалось, что вот-вот истина откроется ему во всей своей пугающей наготе, протяжно заскрипели тормоза. Вездеход дернулся и остановился.

Виктор тоже вздрогнул и проснулся.

Болела правая ладонь. И не так чтобы сильно, просто неприятно покалывало и пощипывало, как бывает всегда при заживлении серьезной раны. Виктор ногтем поскреб крестообразный шрам, и на время это принесло облегчение.

– И где же твоя ведьма? – сонно поинтересовался он, выглядывая в окно.

Лес несколько поредел, сосны стали ниже. Где-то выбивал дробь дятел. В природе царили тишина и умиротворение, и аккуратный бревенчатый домик, приютившийся под сенью раскидистой сосны, как нельзя лучше вписывался в этот безмятежный пейзаж.

Ян так ничего и не успел ответить, потому что дверь избышки открылась и на пороге появилась стройная молодая женщина с длинными светлыми волосами.

– Входите скорее! – закричала она. – Утром я слышала вертолеты, они кружили над рекой, но потом полетели на северо-запад!

– Не страшно, – сказал Ян, уверенно пересекая порог, будто не впервые был здесь. – Это последний рубеж. Дальше они не сунутся.

– Кто это с тобой? – спросила женщина, поворачивая к Виктору лицо.

Она была привлекательна, с теми точеными чертами лица, что присущи северянам. Но вместо живых и умных человеческих глаз Виктор увидел два молочно-белых опала и понял: женщина слепая.

– Не бойся! – Она схватила его за руку. – Я слепа, но вижу больше, чем любой из вас, зрячих. Я – Нанна.

Виктору было немного неловко, когда чужие пальцы цепко и сильно ощупывали его плечи, грудь, ладони.

– С юга, – резюмировала женщина. – Твои дела настолько плохи, что ты связался с паразитом?

– Легче, ведьма, – из дальнего угла предупреждающе отозвался Ян.

Он наклонился над столом, где, словно ожидая их, стояла широкая тарелка с кутьей и старинная пузатая посуда с густым золотистым напитком.

Пальцы Нанны нащупали на ладони Виктора шрам. Он снова начал зудеть, и улыбка женщины тотчас исчезла.

– Меченый, – сказала она.

Виктору не понравилось это слово. Равно как и тон, с которым оно было произнесено, – смесь разочарования и жалости. Он вежливо отнял руку и отступил.

– Зачем ты приехал в эти земли? – спросила Нанна. – Что тебе нужно? Сокровища? Власть?

– Я ученый, – сдержанно ответил Виктор.

Она печально улыбнулась.

– Знания, – и покачала головой. – Вы и ко мне явились за знаниями.

– Ты мой должник, – сухо сказал Ян. – Мы голодны.

– Все мое – ваше, – сказала Нанна.

Жилище ведьмы было ухоженным и чистым. Под потолком были развешаны связки грибов и яблок, разносился приятный запах сушеных трав.

Ян не притронулся к пирогам, зато налег на кутью и налил в кружку густой сыты.

– Ешь, – сказал он Виктору, видя, что тот медлит. Потом усмехнулся и добавил: – Не бойся. Помни договор.

Виктор послушно потянулся к тарелкам. После пустого чая и консервов домашняя еда была райским угощением. Казалось, он не ел ничего вкуснее. Нанна к еде не притронулась, но присела рядом с Яном, подперев подбородок кулаком.

– Ты еще не отказался от своей идеи, оска? – спросила она, повернув в его сторону светлое лицо.

– Назад дороги нет, – ответил Ян. – Я предал Устав.

– Это не первое твое предательство, – Нанна задумчиво разглаживала салфетки. Ее руки слегка подрагивали, пальцы невесомо пробежали по скатерти, как бы невзначай коснулись руки Яна, погладили по сбитым костяшкам. Тот молчаливо отстранился, и из груди ведьмы вырвался легкий вздох.

– Как вы пережили ночь? – спросила она. – За тобой еще таскаются все эти бедные девочки?

Виктор вздрогнул.

«...Все, кого оставил лежать в тишине и темноте болот...»

Нанна засмеялась.

– Не бойся. Здесь жилище ведьмы, сюда болотницы не сунутся.

Ян и ухом не повел. Допил сыту, аккуратно поставил кружку на стол.

– Думаешь, – продолжила Нанна, – с хозяином тебе будет легче завершить ритуал?

– Он проведет меня, – сказал Ян. – Меньше слов, ведьма. Выполняй свое обещание.

Она молча поднялась со скамьи. Виктор отметил, с какой уверенностью двигается Нанна по комнате. Ее пальцы порхали по полкам, выискивая необходимое, на столе перед Виктором очутилась толстая низкая свеча с оплавленными краями, неглубокая плоская, в которую Нанна аккуратно плеснула немного золотистой сыты, кинула в тягучую жидкость пучок сухой травы.

– Дай руку, – обратилась она к Виктору, присаживаясь рядом. – Правую.

На почерневшем свечном фитиле заалело пламя. Тени за спинами тотчас выросли, вклинились в бревенчатые срубы стен.

– Ты тоже. – Нанна протянула ладонь к Яну.

Тот молча повиновался.

Нанна наклонила голову к миске, вдохнула душистый запах, наклонила голову к одному плечу, потому к другому, словно прислушиваясь.

– Да. Ты нашел правильного человека, – подтвердила она.

– Я не ошибаюсь, – отчеканил Ян.

Губы Нанны тронула мягкая улыбка.

– Но ты ошибешься, – возразила она. – Не теперь. Гораздо позже.

– Как?

Ведьма качнула головой.

– Я не вижу. Пока это скрыто от меня. Возможно, это только одна из вероятностей.

– Я найду ее? – нетерпеливо спросил Ян.

– Да. Ритуал будет завершен, – подтвердила Нанна и склонила голову в сторону Виктора. – Теперь ты. Тебе ничего не будет угрожать. Но ты сам станешь угрозой.

Виктор поднял брови.

– Как это понимать?

– Получишь много ответов, но тебе этого будет мало, – сказала ведьма. – Ты никогда не остановишься, пока в сердце твоём яд.

Виктор промолчал и отнял руку, хотя на душе стало неудобно.

Ночь упала на избушку траурной вуалью. Сразу похолодало, ветер протяжно застонал в ветвях сосен, будто жалуясь на вечный холод и одиночество. Виктору подумалось, что он уже давным-давно не видел солнца. И тоска по дому заскреблась под ребрами.

Сколько он еще пробудет в пути? И увидит ли вообще дом?

Виктор долго не мог уснуть, прислушиваясь к потрескиванию стен и шорохам. Прошедшую ночь он старался не вспоминать, но картины расколотого черепа Линды и вздувающейся пузырями жижи еще долго мучили его.

Потом он заснул.

Проснулся оттого, что почувствовал тяжесть с одной стороны кровати. Кто-то опустился рядом с ним и мягко взял за выпростанную из-под пледа руку.

Виктор взвился, сбрасывая остатки сна. Но это был не болотник и не домовый, а Нанна, что сидела, поджав ноги, и ласково улыбалась в темноте.

– Что тебе надо? – сердито спросил Виктор.

– Не бойся. – Ее голос был нежным и ласковым, как журчание родника. – Хочу с тобой поговорить.

– Не хочу я ни о чем говорить! – За злостью Виктор попытался скрыть испуг. В темноте русоволосая ведьма напомнила ему ту, что приходила прошлой ночью к Яну, – юную девушку с распущенными волосами.

– Хочу тебя предупредить. – Нанна снова взяла его за руку. – Я не могла сказать этого, пока рядом находился Ян. Но теперь он спит, поэтому, пожалуйста, выслушай меня.

Ее настойчивый и ласковый голос успокаивал, пальцы гладили руку Виктора, как гладит своего малыша мама, если тому вдруг приснился ночной кошмар.

– Будь осторожнее, – продолжала она. – Не доверяй ему. Да, они действительно умеют позаботиться о своем хозяине. Они будут выполнять все твои капризы, пока ты будешь нужен. Пока действует договор. А потом... потом они выпьют твою душу. Оставят пустую оболочку.

– Я не собираюсь доверять ему, – возразил Виктор.

Нанна усмехнулась.

– О, ты будешь!

– Я видел, как он убил людей.

– И убьет еще, – сказала Нанна. Она постепенно переползала ближе к Виктору, ее поглаживания становились все нежнее, ладонь скользнула к его груди.

– Ко мне редко заходят мужчины, – прошептала ведьма. – Только когда хотят чего-то, как ты. И я даю им это. И они дают мне взамен свою ласку...

Теплая женская ладонь скользнула ниже. Виктор вздохнул прерывисто, дернулся.

– Не бойся, – повторила Нанна, прильнула к нему, крепко обвила руками. – Не бойся, я умею любить, хотя и слепая.

Ее губы мягко коснулись его губ, в них было тепло, и нежность, и душистое разнотравье. Кожа – белее белого, бархатистая. Тело – горячее, податливое. Все ночные страхи отступили, попрятались до времени в темные углы.

Сорочка давно упала в ноги, ладони мужчины скользили по телу, поцелуями Виктор покрывал шею Нанны. Но остановился, наткнувшись на порезы, пересекающие ее груди. Ведьма вздрогнула, вздохнула сквозь сжатые зубы.

– Кто тебя так? – Виктор с тревогой заглянул в ее лицо.

Белые глаза ничего не выражали. Но гримасу боли на ее лице сменила печальная улыбка.

– Ян? – догадался Виктор, прежде чем Нанна ответила ему.

– Да. – Она стыдливо склонила голову и добавила, будто оправдываясь:

– Осы больно жалят... Не умеют по-другому. Но я не виню его. Я обязана ему жизнью. Знаешь, – она прильнула к нему на грудь, зашептала тихо: – С детства у меня начали проявляться способности. Я могла сделать так, чтобы заболел пастух, который обругал мою мать. Могла сделать, чтобы у соседской сплетницы коровы прекратили давать молоко. Не было никого, кто научил бы меня контролировать это. И потом, – она вздохнула, – потом мужчины этой деревни вытащили меня из родительского дома, с кровати, ночью, отвезли в лес и избивали до смерти. Били по телу, по голове... – Она коснулась дрожащей рукой своего лба. – Поэтому я ослепла. А потом пришли они. Васпы. – Нанна перешла на свистящий шепот: – Ян спас меня. И сжег мою деревню дотла...

Она замолчала, снова потянулась к Виктору губами.

– Я обязана ему, понимаешь? – вдохнула она в самые его губы.

– Он тебя любит?

Нанна улыбнулась горько.

– Осы не умеют любить. А я... я умею.

Она поцеловала Виктора долго, сладко.

– Мой человек с юга, – шепнула она. – Пожалуйста. Подари мне немного своей ласки!
Потом наступило утро, и они снова засобирались в путь.

Нанна стояла на пороге, босая, будто не ощущала холода. Ее длинные волосы трепал ледяной ветер.

– Спасибо, – шепнула она Виктору, когда тот набросил на ее плечи шаль. Он наклонился и мягко поцеловал ее в висок.

– Я буду о тебе помнить, – пообещал он.

Ведьма вздохнула, укутала в шаль руки.

– Будь осторожен, – на прощание сказала она.

И ухватила за рукав проходившего мимо Яна.

– Ты тоже остерегись, оска.

Он резко отдернул руку.

– Я знаю, ведьма.

Нанна отступила виновато, прислонилась к дверному косяку.

– У меня ощущение, – прошептала она, – что эта встреча может стать последней...

Вездеход набирал скорость, и Виктор видел, как уменьшается тонкая фигурка Нанны. На сердце было тревожно.

– Как же она тут будет одна... – начал Виктор, но Ян резко его оборвал:

– Это неважно. Важно – скоро мы прибудем в город. Оттуда мы сможем уехать на юг.

– Зачем тебе на юг? – наконец оторвавшись от окна, осведомился Виктор. – Я слышал, ты хочешь найти кого-то.

– Да.

– И кого?

– Девушку.

Брови Виктора удивленно поднялись, он переспросил:

– А на севере они уже перевелись?

– Она особая, – пояснил Ян.

– И что же в ней особенного, в этой странной южной девушке? Чего нет во всех остальных девушках мира?

На этот раз Ян улыбнулся почти человеческой улыбкой.

– О! – с благоговением сказал он. – Это самая сладкая девушка на свете.

В столицу поезд пришел в семь часов утра.

Лиза Гутник сонно поплелась в конец вагона, где ей пришлось дожидаться очереди в туалет. Вода текла ржавая, набирать ее в рот было неприятно, и Лиза поспешно сплевывала ее вместе с пастой, краем глаза следя, чтобы кто-нибудь, дергающий дверь снаружи, не сорвал и без того хлипкий засов. Потом она сделала себе инъекцию инсулина, выкинула использованную бумагу и пустую ампулу в унитаз и отправилась собирать чемоданы.

Кроме необходимых в дороге вещей, Лиза взяла научно-популярные журналы, книги, заметки и фотографии, которые кропотливо собирала во время практики.

– Учиться приехала? – спросил ее черноусый мужик, куrivший в тамбуре.

Он выпустил струю вонючего дыма как раз в тот момент, когда поезд остановился и издал свое утробное «пшш».

– Я все уже умею, – невежливо буркнула Лиза, отмахнулась от сигаретного дыма и глянула с укором: – Помогли бы лучше девушке!

Мужик ухмыльнулся, но чемоданы спустить на перрон помог.

Платформа была грязной, заплеванной. Перед зданием вокзала валялись окурки и пустые бутылки, двое бородатых бродяг распивали какую-то мутную жидкость. Их глаза тоже были мутными, маслянистыми – Лиза еще долго чувствовала на себе эти липкие взгляды, словно забирающиеся к ней под кофту.

«Вот тебе и столица, – думала она. – Вот тебе и очаг культуры. Приехала ты, дорогая, в самую настоящую клоаку».

А чего она ожидала, собственно? Чем больше город, тем больше возможностей, но и грязи в нем больше.

Решив не откладывать дела в долгий ящик, Лиза оставила чемоданы в уютном и на удивление чистом гостиничном номере и сразу же заказала по телефону пропуск в Институт Нового мира. По сравнению с душным вагоном это был почти рай, и она долго нежилась под теплыми струями душа, прежде чем собраться на важное мероприятие, ради которого и проделала весь этот изнуряющий путь.

Дербенд по праву считался жемчужиной Южноуделья. Лиза от корки до корки прочла путеводитель, но еще из новейшей истории знала, что после войны город едва сдерживал наплыв мигрантов. Строительство новых предприятий едва не поставило столицу на грань экологической катастрофы. Пока Сенат не решил перенести промышленные комплексы за черту города. Это потребовало большого вложения капитала, но спасло город. С тех пор в столицу можно было попасть лишь по именным талонам или приглашениям.

«Счастливый билет в новую жизнь», – так сказал отец, вручая Лизе письмо с приглашением, а еще карту с внушительной суммой на счету.

Но теперь она глядела на столицу со смешанным чувством разочарования и трепета.

Осень добралась и до здешних широт – природные краски пестрели золотом и медью, воздух наполнился ни с чем не сравнимым запахом костров и сухой листвы. Словно обломанные зубы, высились над кронами деревьев серые высотки. Еще выше, над иглами антенн, вздымался ярус далеких коричневых скал, чьи острые вершины терялись в ватном

одеяле облаков.

А солнца не было.

И это было самым большим разочарованием Лизы.

Она так и спросила об этом у водителя, пока ехала (лучше сказать – тряслась) до института в обшарпанной, ржавой банке автомобиля. Таксист не удивился вопросу и охотно пояснил:

– Не сезон. Облака у нас летом разгоняют, а потом как у всех. Вы летом приезжайте, летом у нас и фрукты свои, оранжерейные, без химикатов почти.

Лиза грустно вздохнула. Одно из ее заветных желаний так и оставалось мечтой. Посмотрим, что будет со вторым.

Вскоре за домами плеснуло антрацитовый гладью. Такси повернуло на перекрестке вправо, затем еще – и однотипные коробки домов расступились, открывая изумленному взору Лизы исполинский каменный лотос, распутившийся прямо посреди городского квартала.

Он был выстроен (как прочла Лиза в путеводителе) из блоков черного мрамора и отполирован до ослепительной зеркальной гладкости. Восемь лепестков вздымались к небу благородной короной, и пандусы, будто струи водопада, ниспадали к подножию. Расположенные по периметру фонтаны рассыпались крошевом брызг, и казалось, что каменный цветок пульсирует и дышит.

– Наша гордость, – сказал таксист, довольный эффектом, произведенным на пассажирку. – Черный лотос, Институт Нового мира. А вечером здесь еще и подсветка включается, так что советую вам дождаться.

Лиза расплатилась с водителем и еще долго стояла в молчании, не решаясь сделать шаг навстречу чуду. Наконец, она стряхнула благоговейное оцепенение и, не без удовольствия отметив, что не она одна такая, двинулась к лотосу.

Зеркальные двери, затемненные и оттого сливающиеся с гладкостью стен, бесшумно раскрылись, пропуская Лизу внутрь здания. Интерактивная карта быстро подсказала, где найти кафедру биологии. По широким коридорам гуськом шли туристы в сопровождении уставших гидов, прозрачные бочкообразные лифты мягко скользили между этажами. Выше третьего начиналась закрытая территория, и Лизе пришлось предъявить свое удостоверение личности, чтобы получить от вахтера запаянный в пластик пропуск.

«Билет в новую жизнь».

Будто крылья, лифт вознес Лизу на восьмой этаж.

В отличие от нижних этажей, посещаемых туристами, коридоры здесь были пустынные, а помещения разделены на секции. Лизе пришлось немало поплутать, прежде чем она наткнулась на нужную дверь. Секция биологии и антропологии напоминала музей.

В демонстрационных ящиках лежали образцы – минералы, окаменелые растения, кости животных и человека. По стенам были развешаны большие портреты ученых, фотографии конференций и экспедиций. Виктора Тория она узнала сразу – его портрет был таким же, что и на обороте книги «Сумеречная эпоха: эволюция мифов». Лиза подумала, что и в жизни сразу бы узнала этого симпатичного брюнета с умными серыми глазами и мягкой улыбкой. Ее ладони вспотели, когда она поняла, как скоро встретится с ним.

Перевесив сумку на другое плечо, она пошла вдоль стен, рассматривая экспонаты и фотографии. Здесь были и те, которые она уже видела, – смазанные любительские фото ертского червя, зеленой лысухи и прочих представителей легенд с разных концов света. Были

и другие снимки, которые Лиза видела впервые. На одной что-то светящееся и бесформенное на фоне развалин крепости. На другой – похожее на гориллу существо, присевшее за буреломом. Третья картинка – не фото, а рисунок – изображала веретенообразный силуэт на горизонте, перед которым на переднем плане стояло несколько существ, напоминающих вставших на задние лапы насекомых. Под картинкой в застекленном ящичке лежало что-то тонкое, заостренное, но изъеденное коррозией, так что Лиза затруднялась сказать, чем это было ранее.

– Жало васпы, – сказал кто-то прямо над ее ухом.

Лиза круто повернулась от неожиданности, сумка углом ударилась в стекло, но, к счастью, не разбила.

– Тише, тише! Я и не думал вас пугать!

Тощий высокий парень в белом халате предупредительно подхватил Лизу под локти. Она пискнула, вырвалась и с гневом поглядела на юношу.

– Вы всегда так подкрадываетесь к девушкам? – гневно осведомилась она.

Парень виновато улыбнулся, поправил на переносице очки.

– Простите, если бы вы разбили этот стенд, клянусь, я бы заплатил из собственного кармана. Просто вы были так увлечены разглядыванием рисунков с этими муравьями.

– Васпами, – машинально поправила Лиза, покосившись на стенд.

Стекло не разбилось, и нечто, названное жалом, все так же спокойно лежало на подставке.

Жало?

Величиной оно было почти с ладонь. Если это часть живого существа, каких же размеров было само существо? И не зеленью ли яда отсвечивает острие там, где его покрывает толстый слой ржавчины?

– Они не муравьи, – машинально продолжила она. – Это осы. Привычное нам название – всего лишь калька с латинского wasp. Что и значит – оса.

Парень добродушно улыбнулся и пожал плечами.

– Муравьи, осы... какая разница? Этот миф тоже может быть развенчан, как и многие другие. Если, конечно, профессор Торий не привезет доказательство.

– Как раз за этим я сюда и пришла. – Лиза показала свой пропуск. – Поговорить с профессором, для меня это очень важно. Вы здесь работаете, не так ли?

– Э... Ну, в общем, да. – Парень вздохнул. – Но, боюсь, поговорить с профессором вы сегодня никак не сможете.

– Почему? – возмутилась Лиза. – Пропуск...

– Не сможете, – перебил парень, – так как профессор Торий сейчас находится далеко на севере, в дарских землях, в экспедиции. Возвращение планируется никак не раньше чем через две недели, – он сочувственно глянул на разом сникшую Лизу и добавил:

– Простите...

Она этого уже не услышала. Голову наполнил какой-то тошнотворный звон, колени стали ватными, подогнулись.

Этого она не могла предусмотреть. После всех унижений, долгой дороги, всех надежд судьба подложила ей свинью.

Лиза опустила на корточки и безутешно заплакала.

Они достигли городских ворот к полудню, когда Виктор уже успел основательно вымотаться и почти перестал верить в то, что город Выгжел существует.

Но город и в самом деле существовал, и что-то подобное Виктор видел разве только в учебниках истории – Выгжел окружала высокая стена частокола с каменными стрелами башен, деревянные ворота были обиты железом.

– На юге считают, земли Дара почти необитаемы, – пробормотал Виктор. – А здесь – будто к войне готовятся.

– К осаде, – как всегда кратко, уточнил Ян.

Он остановился в стороне, под развесистым кедром. Здесь вездеход не был виден ни со стороны городских стен, ни с воздуха, что обеспечивало защиту и пути отступления на случай, если вдруг что-то пойдет не так.

– Ты пойдешь первым, – сказал он Виктору.

– Боишься? – ехидно поинтересовался ученый.

– Это расчет, – спокойно ответил Ян. По всей видимости, ирония его не задевала, или же он просто не понимал, что это такое. – Меня убьют прежде, чем я приближусь на десять футов.

– Это можно проверить.

– Тогда к вечеру ты умрешь тоже. И они все умрут, – равнодушно отозвался Ян, ткнув пальцем в сторону городских стен. – Запоминай. Это Выгжел, последний форт севера. Здесь заканчиваются дарские территории. Отсюда отправишься в Южноуделье. В твоих интересах попасть в Выгжел как можно скорее.

– Вместе с тобой, разумеется.

– Разумеется. У меня ценная информация.

В этом Виктор не сомневался. Какие бы мотивы ни были у Яна, действовал он расчетливо и планомерно.

– Хорошо, – сказал Виктор. – Что я должен сделать?

Как и сказал Ян, приблизиться ему не дали и на десять футов. В срубках стен открылись бойницы, а потом раздался усиленный громкоговорителем окрик:

– Стой!

Виктор послушно остановился и, как учил Ян, поднял ладони.

Ему было немного страшно. Сзади, скрытый тенями кедров, стоял убийца его товарищей, который, возможно, даже не был человеком. Впереди же ошетинились дулами автоматы, и одному Богу известно, что на уме у этих перепуганных северян, отгородившихся от враждебного леса крепостными стенами.

– Кто ты такой? Что тебе нужно? – меж тем последовал вопрос.

Виктор набрал в грудь побольше воздуха и прокричал в ответ:

– Не стреляйте! Я профессор Торий, из Дербенда! Мои товарищи погибли в экспедиции! Мне нужна ваша помощь!

За воротами помолчали. Затем голос раздался снова:

– Хорошо. Можешь подойти, но никаких резких движений.

Виктор подходил очень медленно. Ворота открылись, и двое вооруженных мужчин втащили его внутрь. Еще один человек тут же обыскал его быстрыми и выверенными движениями.

– Чисто, – доложил он.

Тогда Виктор увидел четвертого мужчину, который до этого держался в тени и был одет в темную фуфайку и меховую шапку.

– Капитан Сванберг, – представился он. – Расскажите еще раз, что с вами произошло. К нам нечасто приходят из леса незваные гости.

Виктор понимающе кивнул. Ему вдруг стало легко, словно упала с плеч тяжелая, гнетущая ноша.

«Я в безопасности. В безопасности, – мысленно повторял он. – С людьми...»

И дьявол с ним, с кровавым призраком за стенами форта, с болотниками, с ведьмами, с трупами в далеких чащах. Все это было сном.

Все это могло кончиться прямо сейчас.

– Капитан, смотрите, – сказал часовой.

Ловким движением он перехватил правую руку Виктора и перевернул ее ладонью вверх.

– Меченый!

Руки заломили за спину, в подбородок ткнулось холодное дуло автомата.

– Что тебе нужно? – зашипел Сванберг. – Гад! Говори правду!

– Я... сказал правду! – от боли Виктор скрипнул зубами. Хватка у солдат оказалась не менее жесткой, чем у Яна.

– Я действительно ученый, – снова попробовал объясниться он. – Я... мы... не желаем зла...

– Ты привел сюда васпу!

– Нет! – выдохнул Виктор. – Он... Я его хозяин! У нас договор! Он клянется!

Виктор не знал, подействуют ли эти слова, но на его удивление хватка все-таки ослабла, автомат опустился до уровня груди. По крайней мере, дышать стало куда легче.

Виктор сделал несколько жадных глотков воздуха и продолжил:

– Он передал вам, что не тронет. Он передал, что у нас договор.

– Я вижу, – на лице капитана отразилось презрение. – Что вам нужно здесь?

– Я хочу только вернуться домой, – устало сказал Виктор. – Пожалуйста. Он... убил моих товарищей. Но меня оставил...

– Естественно, – тем же издевательским тоном поддакнул капитан.

– Пожалуйста, – повторил Виктор. – Он сказал, это очень важно. Сказал... что сегодня на закате васпы совершат на город налет.

Воцарилось молчание. Капитан отступил назад и долго, пытливо всматривался Виктору в лицо.

– Ты не натравишь на нас своего паразита, – наконец сказал он.

Виктор не понял, вопрос это или утверждение, но на всякий случай замотал головой.

– Хорошо. – Капитан поджал губы и махнул часовым рукой. – Впустите. Но всем быть наготове.

Виктора отпустили. Колени подогнулись, и он привалился к стене. Который раз он уже подвергается смертельной опасности? Виктору хотелось рассмеяться над нелепостью ситуации, но он промолчал.

В таком же полном молчании в крепость вошел и Ян.

Виктору на мгновение показалось, что все часовые, включая капитана стражи, вздрогнули и отступили. Кто-то изумленно присвистнул и произнес тихо:

– Преторианец...

– Молчи, – прошипел другой.

Ян поднял ладонь и произнес кратко:

– Договор.

– Мы в курсе, – ответил ему капитан (как показалось Виктору – излишне сухо) и спросил:

– Что твой хозяин говорил о налете?

– Проводите нас к начальнику, – сказал Ян. – Я офицер. И не говорю с рядовыми.

Кто-то из часовых присвистнул снова:

– Каков...

Капитан недовольно скривился, но тем не менее спорить не стал, а произнес коротко:

– Хорошо. Идемте.

И сделал знак часовым следовать за ними.

Следующие несколько минут напоминали Виктору затянувшееся шествие на эшафот. Один из постовых косился на ученого едва ли не с жалостью. Наверное, он умирал от желания что-то спросить, но молчал, натываясь взглядом на угрюмое лицо васы.

Капитан Сванберг нарочно старался выбирать наименее людные улицы. Но и здесь, среди обжитого человеческого жилья, сторбленная, надломленная фигура Яна выглядела еще более гротескно. Он походил на слетевшую с башенного карниза горгулью и сознавал свое уродство, пытался сделаться незаметным, привлекать как можно меньше внимания.

При виде его немногочисленные прохожие поспешно сворачивали в переулки и прятались в домах. Родители встревоженно подзывали детей и прижимали к себе, провожая ненавистную фигуру испуганными взглядами. Какой-то маленький мальчик громко заплакал, выронив ярко раскрашенный мяч.

– Бука, мама! Бука! – кричал он, указывая на Яна.

Тот молчал по своему обыкновению, только еще сильнее втянул голову в плечи.

На счастье, цель их путешествия находилась за четыре квартала от городских ворот. Виктору даже показалось, что при виде здания городской ратуши провожающий их капитан вздохнул с облегчением.

Площадь возле ратуши тоже была почти пуста. Патрульные тихо переговаривались у главных дверей, изредка придирчиво разглядывая пропуска гражданских. Несколько человек, в ожидании своей очереди, бесцельно бродили возле здания, нервно поглядывали на часы, курили. Группка молодых людей пристроилась на ржавом капоте покореженной легковушки: ходила по кругу пивная бутылка и шелестела оберткой немудреная закуска.

Но каждый человек, пусть и занятый своим делом, в какой-то момент чувствовал смутное беспокойство. Вздрагивал, тревожно озирался, пытаясь понять причину неожиданно нахлынувшего дискомфорта. И всякий раз безошибочно выделял ржаво-красный офицерский китель. Тогда гул голосов стихал, движение останавливалось, головы уходили в плечи. Идя в мучительной тишине, под прицелом сотни настороженных глаз, Виктор почти физически ощущал зарождающуюся волну мутного ужаса. Страх сочился сквозь кожу, сквозь одежду. Стлался по асфальту тяжелыми серпантинными лентами, похожими на липучки для мух. Страх передавался, как инфекционная болезнь. Им пропитались даже чахлые деревья, привыкшие к выхлопным газам и копоту.

Страх был паутиной, за прочные нити которой дергал голодный паук – васпа, чудовище из бабушкиных сказок.

Ян по-прежнему не глядел по сторонам, целенаправленно хромая по направлению к кирпичному зданию, и лицо его оставалось каменным. Но Виктор разглядел, как дернулись кверху уголки губ в едва заметной ухмылке самодовольства.

«Он знает, какой эффект оказывает на окружающих, – подумал ученый. – И это ему определенно нравится...»

Они подошли к пропускному пункту. Здесь тоже стояли люди, и все они разом, будто сговорившись, расступились, пропуская без очереди их самый потаенный кошмар, в одночасье обратившийся в реальность.

Охранник, сидевший по другую сторону прозрачной преграды, что-то сосредоточенно писал в тетради. Может, в силу своей занятости, он не поддавался всеобщей панике.

– Ингвар, нам к мэру, срочно, – сказал капитан Сванберг, наклоняясь к окошку.

Ян остался стоять чуть поодаль, и это устраивало Виктора.

– Никак нельзя, – важно отозвался охранник, не отрываясь от тетради. – День не приемный. Пожалуйста завтра.

– Срочно, Ингвар! – с нажимом повторил капитан. – Есть достоверная информация о налете.

Эти слова подействовали на охранника, будто холодный душ.

– Господи помилуй! От кого же?!

Он наконец-то оторвался от тетради и взглянул через стекло.

Кровь моментально отхлынула от его лица. Потому что за спиной капитана маячил багряный призрак.

– Господ-ди вссс... – Охранник издал звук проколотого воздушного шарика и несколько раз судорожно сглотнул.

Виктор криво улыбнулся. Он отлично понимал состояние охранника, хотя жалость оказалась лишней. Это не его Ян тащил сквозь таежные дебри за какой-то непонятной, но оттого страшной целью, и не из-за него убил четверых человек, и не к нему приходила мертвая жена и девушки, восставшие из глубоких болотных хлябей.

– Теперь вопрос «от кого» снят? – язвительно поинтересовался капитан.

Охранник беспокойно заметался в своей клетушке. Шустро подтащив телефон, принялся накручивать дребезжащий диск.

– Ясечка, милая, – закричал он в трубку, – свяжись с мэром! Да-да, очень важно! Его хочет видеть господин дарский офицер... Кто-кто, васпа, я тебе говорю!.. Именно, я прекрасно отличаю красный цвет от коричневого! Ну, откуда мне знать?! Господи! Да пусть лучше меня уволят, чем... И побыстрее, здесь все гражданские перепуганы!

Он с силой вдавил трубку в рычаг и вымученно улыбнулся.

– К нам, знаете ли, не часто заглядывают васпы, да еще из преторианской гвардии Дара, – дрожащим голосом пояснил он, выписывая пропуск и с искренним ужасом косясь в сторону Яна.

На этот раз бледные губы васпы разъехались в видимой всем улыбке.

– Это ненадолго, – ответил он. – Через шесть часов откроется сезон охоты.

То ли подействовали его слова, то ли убедительным оказался истеричный тон охранника, но дальнейшие события разворачивались на удивление быстро.

Без лишних слов их провели через полутемные коридоры, на лифте поднялись на

верхний этаж, где уже стояли охранники с автоматами наперевес. Вопреки ожиданиям, мэр города не сидел важно за дубовым столом, а нервно расхаживал по кабинету. Он оказался коренастым бородатым мужчиной в серой косоворотке и потертых штанах, которые пристало носить скорее работяге, нежели городскому голове.

Увидев Виктора, он кинулся к нему и долго тряс руку, как дорогому гостю. Может, еще и потому, что из двоих гостей только Виктор был человеком.

– Для нас это честь... большая честь, – горячо бормотал мэр. – Вы, наверное, голодны?

– Сначала дело, – отгесняя Виктора в сторону, сказал Ян.

– Конечно, конечно, – с энтузиазмом закивал мэр. – Но это... так удивительно! Никто не ожидал, что сам господин преторианец...

– Сегодня на закате, – перебил его словоизлияния Ян. – Взвод из девяти солдат. Один офицер. Атака будет произведена в два захода – на главную и восточную башни. Через пять... с половиной часов. Успеете?

Мэр всплеснул руками.

– Да боже мой! Я мобилизую всех... сам полезу на укрепления! Уму непостижимо... Но что вы желаете взамен, господин преторианец?

– Безопасность мне и моему хозяину, – ответил Ян. – И когда все закончится – соединить с Южноудельем и день на сборы. Договоримся?

– Вечно буду ваш должник!

Ян тонко усмехнулся.

– Вечно – это долго. Нужен главнокомандующий и подробная карта города. Но сначала мне нужно в медицинский блок.

Мэр согласно кивнул, махнул куда-то рукой.

– Идите, идите, – сказал он. – Я вижу, вы ранены... Ланс проводит. Я вам полную безопасность гарантирую. Господи. Только бы успеть...

– Успеем. – Ян схватил Виктора за плечо. – Ты идешь со мной.

– Чем я-то помогу? – огрызнулся ученый.

– Узнаешь.

Медицинский блок ничем не отличался от прочих, виденных Виктором ранее, – яркие лампы-жучки, кушетка у стены, возле нее штатив капельницы, столик и шкаф с медицинским оборудованием. Пахло лекарствами и спиртом. Женщина в белом халате испуганно вжалась в стену при виде вошедших.

– Спокойно, – сказал Ян. – Ты поможешь.

– У вас нога ранена? – тихо спросила она.

Ян отмахнулся.

– Пустяки. Где шприцы?

Врач непонимающе уставилась на него, но Ян не был настроен на долгие разъяснения.

– Садись, – велел он Виктору и сам уселся на кушетку, расстегивая пуговицы мундира. – Сними куртку.

– Зачем?

– Мне нужна твоя кровь.

У Виктора засосало под ложечкой. Сразу вспомнилась рана в горле Мириам, из которой била тугая багряная струйка.

– Не бойся, – сказал Ян. – Мы обменялись кровью при договоре, но нужна другая. Более чистая. От тебя – ко мне. Это укрепит симбиоз.

– Вам нужно переливание? – догадалась врач.

– Один шприц, – ответил Ян. – Этого достаточно. Ты позволишь?

Он обращался уже к Виктору. И этот тон удивил его.

– Да ради бога! – в сердцах воскликнул ученый. – Делай, что тебе надо, и покончим с этим!

Он снял куртку и закатал рукав. Женщина осторожно наложила жгут, проколола иглой кожу, и Виктор сжал зубы и отвернулся – ему никогда не нравилась эта процедура.

– С вами все, – сказала врач, прикладывая к ранке смоченную спиртом ватку. – Теперь вы. – Она повернулась к Яну. – Вы уверены, что вам это нужно?

– Совершенно, – ответил тот.

Он уже снял мундир и остался в шерстяной рубашке с воротником-стойкой и такими же полосами, что и на кителе. Затем снял и ее.

И Виктор замер, увидев его торс.

Грудь, спину, плечи и живот Яна пересекали шрамы, словно он перенес десятки операций или однажды попал под ножи зерноуборочного комбайна. Слева на груди Виктор заметил клеймо – комбинацию цифр и букв. На шее Яна болтался не замеченный ранее шнурок с цилиндрической металлической гильзой величиной с палец.

Рядом ошеломленно ойкнула врач, но ничего не сказала, молча ввела кровь Виктора в вену васпы.

– Это не совсем правильно, – сказала она, уже вытаскивая иглу. – Если вам нужно переливание, можно было...

– Не нужно, – перебил ее Ян и другой рукой снял с шеи шнурок. – Теперь это.

Он отвинтил металлический колпачок и осторожно вытряхнул на ладонь крохотную колбу с какой-то желтовато-зеленой переливающейся жидкостью.

– Что это? – спросила врач, повторяя мысленный вопрос Виктора. – Лекарство?

Ян улыбнулся снова, и эта улыбка совсем не понравилась Виктору – было в ней что-то фанатичное, почти сумасшедшее и такое мечтательное, что Яну до сего момента не было свойственно вовсе.

– Это лучше лекарства, – ответил он. – Это эссенция дарской Королевы.

Выгжел всюду готовился к обороне.

На крышах устанавливали крупнокалиберные пулеметы, на площади поспешно занимала позицию гусеничная машина, вооруженная счетверенной пушкой, а к воротам подогнали потрепанный, но все еще боеспособный бронетранспортер. Горожане закрывали окна ставнями, запирали двери на засовы, детей прятали в подземные убежища.

Виктор шел по городу, и ему было нехорошо – мутило и неприятно покаялось в висках. Возможно, сказывались волнения или усталость последних дней. Больше всего на свете хотелось лечь в постель, спать часов десять или двенадцать и проснуться отдохнувшим, бодрым и знающим, что все случившиеся с ним ужасы – не более чем дурной сон.

Кто-то схватил его за рукав.

– Отворилась бездна, и вышла саранча, – захрипел старческий голос, – и дано ей было мучить людей, которые не имеют знака Зверя.

Виктор вздрогнул. Старик в изношенном пиджаке снова открыл рот, дохнув сивушным перегаром и луком, забормотал неистово:

– И он сделает так, чтобы всем, малым и великим, богатым и нищим, положено будет начертание на правую руку...

Старик перевернул ладонь Виктора, больно впился обломанными ногтями.

– Знак Зверя! – закричал он прямо ученому в лицо. – Знак Зверя! Знак Зверя!

Виктор отдернул руку. В затылке заломило, холодок разлился по позвоночнику.

– Знак Зверя!

Крик старика продолжал звенеть в ушах. Виктор отступал, чувствуя, что еще немного – и обратится в паническое бегство.

– Пошел вон, пьянь!

Проходивший мимо солдат отпихнул старика в сторону. Тот сразу замолчал, будто ему заткнули рот. Виктор видел, как ходил ходуном его кадык, мутные старческие глаза беспокойно обшаривали площадь. Потом старик наклонился, подобрал оброненную шапку и, что-то бормоча под нос, поплелся в сторону убежища.

– Не обращайтесь внимания, – сказал солдат. – Это местный пьянчуга, у него давно крыша поехала. Но мы его жалеем, когда-то хорошим кузнецом был.

– Все в порядке, – пробормотал Виктор.

И соврал.

В ушах продолжали звенеть каркающие вопли старика, и в груди нарастал тянущий ком, будто предвестник беды.

– Вам бы не разгуливать здесь одному, – заметил солдат, и теперь Виктор узнал в нем охранника Ингвара. – Почему вы не остались в ратуше?

Действительно, почему? Может, потому, что командованию и без него было чем заняться? А может, потому, что Виктору осточертело терпеть присутствие васпы?

– Я там не нужен, – сказал он. – Может, я буду полезен чем-нибудь здесь?

Ингвар дружелюбно улыбнулся.

– Может быть. Я иду к восточной башне. Идемте со мной?

Тучи на западе сгустились, отяжелели. Верхушки сосен и кедров слились в сплошную черную щетину. Надвигался вечер. Возможно, к ночи пойдет первый снег.

«Неуютный мир, – подумал Виктор. – Наверное, только в таком мире, где нет ни тепла, ни радости, ни света могли появиться...»

– Почему о них не знают в Южноуделье? – прерывая собственные мысли, спросил он у Ингвара. – Вернее, знают, но считают не более чем легендами?

Ингвар усмехнулся.

– А что вообще знают жители столицы о периферии? Разве вы не считаете остальные земли Южноуделья дикими и непригодными для жизни?

Виктор отвел взгляд, спросил поспешно:

– И вы сами никогда не пробовали рассказать о том, что у вас творится?

– Пробовали, – буркнул Ингвар. – Слышал, из Опольского уезда ездили в столицу. Но кто-то вернулся ни с чем, а кто-то не вернулся вовсе.

– Заговор? – приподнял брови Виктор.

Ингвар неопределенно пожал плечами, сказал, уходя от темы:

– Они всегда были тут. Правда, сейчас их стало много меньше. Последние ульи спрятаны глубоко в тайге, и если после сегодняшнего напора мы останемся в живых, вы расскажете о них в большом мире.

– Я слышал, что Дар был когда-то военной базой, – заметил Виктор. – И что там проводились эксперименты...

– Так было раньше. Я не знаю, что случилось потом. Может быть, эксперимент военных вышел из-под контроля. Но теперь васпы не подчиняются человеку, они дикие и очень злые. И давно не входят в контакт с людьми. Поэтому мы очень удивились, когда увидели вашего васпу, да еще и преторианца Королевы.

– У них есть Королева? – спросил Виктор.

В нем проснулся дух исследователя. Сам Ян не слишком распространялся о себе, а узнать о быте легендарных васп из уст очевидца было весьма любопытно.

– Они же наполовину насекомые. Конечно, у них есть Королева, – ответил Ингвар. – Разве он вам ничего не рассказывал?

– Он немногословен.

Этот ответ полностью удовлетворил Ингвара. Он понимающе закивал.

– Да, конечно. Вы ведь ученый, так? Тогда вы знаете. Ну, как живут насекомые. Пчелы, муравьи... осы, верно? – дождавшись кивка Виктора, усмехнулся и продолжил: – У васп так же. У них есть свои слуги: шудры – непереродившиеся мутанты. На черной работе они. Говорят, почти неразумны, но кто их видел? Под землей живут, в катакомбах. Переродившиеся опаснее. Солдаты васп – пушечное мясо. Налетают роем, спасу нет. Твари! – Ингвар сжал кулаки. – А ваш паразит не рядовой. Целый офицер, преторианец! Личный телохранитель Королевы. Редко они из Улья выбираются. Встретить преторианца – к большой беде, – Ингвар помолчал, вздохнул и продолжил: – Ну и Королева, разумеется. Она никогда не покидает Улья. Только новых чудовищ плодит.

Как раз особенности размножения васп Виктор представлял себе смутно.

– Она откладывает личинки? – спросил он.

– О нет, нет! – замахал руками Ингвар. – Как бы вам сказать... она делает куколок. А потом... я не знаю точно. Оплодотворяет их, наверное.

– А из кого получают куколки?

Ингвар, до этого воспринимающий расспросы Виктора как само собой разумеющееся, на этот раз поглядел на него с неприкрытым изумлением.

– Вы правда не знаете? – недоверчиво спросил он.

– Правда.

Глаза Ингвара сузились от сдерживаемого гнева.

– Она делает куколок из наших детей, – сквозь зубы процедил он. – Именно поэтому нам так важно отбить сегодняшний налет. Теперь ясно?

– Ясно, – ошеломленно ответил Виктор, помолчал, потом сказал: – Можно последний вопрос?

– Ну?

– Что такое «эссенция Королевы»?

Ингвар раздраженно пожал плечами. Похоже, разговор затронул болезненную тему, а потому стал выводить его из себя.

– Впервые слышу. Спроси об этом своего паразита.

Больше никаких вопросов Виктор не задавал.

У восточной башни были подняты сделанные из толстых листов железа забрала бойниц. В них можно было рассмотреть притаившихся солдат, а на верхней площадке артиллеристы наводили на видимого только им врага крупнокалиберную пушку. Военные принимали с грузовиков ящики со снарядами, укладывали возле крепостных стен.

– Вы можете помочь разгрузить ящики, – сказал Ингвар. – Но предупреждаю, они тяжелые.

«Взялся за гуж – не говори, что не дюж», – подумалось Виктору.

Он молча подошел к грузовику и принял ящики у подающего. Физический труд изнурял, но отвлекал Виктора от дурных мыслей. Ему даже показалось, что прошла ноющая боль в виске. Пахло смазочными маслами и древесиной, и этот запах почти полностью вытеснил из памяти запах васы, преследующий Виктора все последнее время. Единственное, что не давало ему покоя, – слова Ингвара.

«Она делает куколок из наших детей...»

Виктор помнил свой недавний сон. Или, скорее, видение. Плотные белоснежные коконы, похожие на шары пломбира, которые украшают вафельные стаканчики в руках малышей. Или на кучевые облака, что горделиво и неспешно плывут над морем там, на далекой родине. Или снеговые шапки на вершинах гор...

Неестественная, стерильная белизна.

И темные кольца эмбрионов, спящие внутри.

Виктор снова почувствовал подкатывающую тошноту. С него уже градом лился пот от усталости, но, к счастью, боеприпасы закончились. Военные заняли позиции, и повеселевший Ингвар приветливо замахал ему рукой.

– Идите сюда! Подкрепимся! Аскольд, плесни-ка еще кипятка!

Вихрастый солдат налил чай в алюминиевую кружку и сунул ее в озябшие руки Виктора.

– Спасибо, – поблагодарил тот. Отхлебнул горячей жидкости. Сразу стало теплее, тошнота отступила.

Солдаты заулыбались.

– Скажите, – стеснительно произнес вихрастый. – А... как это – быть хозяином васы?

Он покосился на руки Виктора, чьи ладони плотно обхватывали кружку. Ученый перехватил его взгляд и смутился.

– Я не знаю... правда, не знаю. – Он покачал головой.

– Ты дурень, Аскольд, – сказал другой солдат. – Во-первых, он такой же человек, как и ты, и я. А во-вторых, это проявляется не сразу или не проявится никогда. Скажи лучше спасибо, что они пришли к нам сегодня.

– Что проявляется не сразу? – почему-то шепотом переспросил Виктор.

Но получить ответа не успел.

На площади загрохотала зенитка, и мрачное небо прорезали яркие линии трассеров.

– Началось, – одними губами произнес Ингвар.

Солдаты подскочили со своих мест, бросая кружки и хватаясь за автоматы. Вдалеке снова заухала зенитка.

– Они у главных ворот, – сказал Ингвар. – Вам лучше в укрытие...

Сирена завывала снова. В этот раз ей вторил раскатистый, свистящий звук. Что-то с воем неслось по небу, оставляя за собой крученый столб черного дыма.

– Подбили! – закричал кто-то из военных. – Вертолет подбили!

Виктор вспомнил грохот, от которого задрожали своды Улья, в тот момент, когда падал вертолет Яна. Теперь ему казалось, что все повторяется снова – громовой раскат прокатился над лесом и городом, земля поплыла под ногами. Дымовой столб четко отметил место, куда упал подбитый вертолет. Вслед за ним к тучам взметнулось оранжевое пламя.

– Не ожидали? – мстительно оскалился Ингвар. – Получайте, твари.

– Смотрите! – закричал вдруг кто-то из военных.

Виктор осторожно глянул через плечо Ингвара в окно бойницы.

К частоколу приближался высокий, полностью лысый человек в таком же ржаво-красном мундире, который Виктор привык видеть на Яне. Станным показалось то, что у него не было видно никакого оружия. Вместо него верзила держал над головой белый платок.

– Изрешетить его, Ингвар? – спросил вихрастый солдат.

– погоди. Разве не видишь? Это переговорщик.

– Ничего нового они нам не скажут, – возразил вихрастый.

Однако Ингвар уже поднял громкоговоритель и прокричал в него:

– Одно неверное движение – и мы открываем огонь. Говори, за чем пришел!

Верзила в красном мундире сложил ладони рупором и закричал в ответ:

– Отдайте предателя! Отдайте – и мы уйдем!

Ингвар опустил рупор и со значением поглядел на Виктора.

– Я им не верю, – сказал ученый.

– Я тоже, – сказал Ингвар. – Но вы слышали. Зовите своего...

– Как? – скептически хмыкнул Виктор. – Хлопнуть три раза в ладоши?

– Вы не знаете, как позвать своего васпу?

– Нет.

– Хм... хм... Тогда, наверное, я просто позвоню в штаб, – сказал Ингвар.

– Этого не потребуется, – снова вмешался вихрастый.

Он оказался прав – по направлению к башне пылил автомобиль. Остановился, и на землю прыгнул заместитель городского главнокомандующего, вслед за которым появилась угловатая фигура Яна.

Ингвар отдал командиру воинское приветствие и по всей форме доложил обстановку.

– Где другие? – кратко спросил Ян.

– Переговорщик только один, – ответил Ингвар.

– Проверьте по периметру, – сказал Ян. – Они не отступят.

Он отобрал у Ингвара рупор, и тот отдал без возражений, отдернув руку так, будто боялся ядовитого укуса. Военные опасливо разошлись, пропуская Яна к бойницам. Виктор посторонился тоже.

– Рихт, охота провалена! – тем временем прокричал Ян в рупор. – Уходите!

Через его плечо Виктор видел, как верзила опустил белый платок и неприятно осклабился в хищной улыбке. В вечерних сумерках это выглядело жутковато. Пламя сбитого вертолета пылало за его спиной, окружая фигуру незнакомца оранжевым ореолом, отблески плясали на золоте канта и гладко выбритой лысине верзилы, и казалось, что человек в красном восстал из глубин ада.

– Выходи, предатель! – прокричал он. – Мы оставим город, если ты выйдешь к нам! И отдашь украденное!

– Невозможно, – ответил Ян. – Эссенции больше нет.

– Тогда ты умрешь! – закричал верзила. Его лицо побагровело от напряжения и злости. – Менее чем через двадцать четыре часа! И не надейся на иммунитет хозяина! Все равно сдохнешь, только гораздо позже! И мучительнее!

– Ты отвратительно многословен, Рихт, – сказал Ян. – Королеве следовало оторвать тебе голову.

– А тебя следовало держать подальше от претории, предатель! – злобно проорал верзила. – Сдайся, и мы даруем тебе быструю смерть! И никогда не вернемся в этот город!

Снова застрекотали орудия. Небосвод озарился вспышками разрывов и росчерками трассеров.

– По нашим ПВО палят, – сквозь зубы процедил Ингвар. – Только и мы не лаптем за печкой деланы!

Верзила снаружи по-прежнему ждал.

– Давайте снимем его отсюда? – предложил вихрастый.

– Может, вызвать подкрепление? – вполголоса спросил Виктор. – Позвонить в Дербенд...

Это услышал заместитель городского главнокомандующего, оглянулся и зло процедил:

– Строжайший приказ: держать оборону до последнего и не беспокоить центр по пустякам. И лучше вам не вмешиваться, пока я не начал выяснять, что делает гражданский на передовой.

Вперед вышел Ян.

– Удерживайте позиции, – сказал он. – Я пойду.

И медленно захромал к воротам. Виктору почему-то стало не по себе. Да, убийца. Да, возможно, даже не человек... но были падающие стены улья, и болотные чудища в радиоактивных лесах, и была Нанна, обнимающая так сладко, что все горечи забывались разом...

Все это было частью странного и страшного мира. Все это крутилось вокруг одноглазого монстра, жило ради него.

И еще был крестообразный шрам на правой ладони Виктора.

Знак Зверя.

Он неосознанным движением вытер ладонь о брюки и продолжил смотреть, как Ян медленно движется к стоящему за воротами верзиле.

По сравнению с щуплым Яном тот казался просто гигантом. Его руки расслабленно

висели по бокам туловища, но Виктор не обманывался этой расхлябанностью – слишком быстро васпы умели выхватить стек и слишком ловко орудовали им, нанося несовместимые с жизнью раны.

Ян остановился перед верзилой, не дойдя нескольких шагов. Они начали о чем-то тихо переговариваться – о чем, понять было трудно. Никто не смотрел в глаза собеседнику: верзила глядел вбок, Ян – в землю. Губы обоих почти не шевелились.

– Воркуют, голубки, – нервно хихикнул кто-то сзади.

На него тотчас зашикали, и снова воцарилась тишина.

Виктора вдруг обуяло беспокойство. Такое чувство бывает, когда собираешься на какое-то важное мероприятие: сдавать экзамен или выступать перед большой аудиторией. В животе болезненно заныло, руки и ноги сделались ватными.

«Да что со мной? – подумал он. – Неужели волнуюсь из-за этого?..»

Васпы все так же неподвижно стояли друг против друга. Но чувство беспокойства не проходило. По шее сползла щекощущая капелька пота.

«Справа».

Он вытер шею ладонью, мотнул головой, стараясь сбросить неприятные ощущения. И краем глаза заметил короткую вспышку.

– Ложись! – закричал Виктор.

Упал, потащив за собой стоявшего рядом Ингвара. Что-то гулко разорвалось совсем рядом, уши заложило, а спину обдало горячей волной. Будто сквозь вату Виктор слышал предсмертные стоны и крики раненых. Кто-то грязно выругался над ухом. Затем воздух взрезали автоматные очереди. Виктор закрыл голову, зажмурился. Мелкие камешки больно жалили кожу лица и рук, во рту появился металлический привкус – падая, Виктор до крови прикусил губу.

– Ах ты ж, зараза! Получай! – ревели над головой.

Полыхнуло снова. Земля вздрогнула, вспучилась, потом грузно осела.

Он открыл один глаз и глянул в бойницу. Прямо возле стен он увидел груды окровавленного тряпья, бывшего когда-то вражескими солдатами. У одного из них еще судорожно сгибалась и разгибалась нога, но головы у тела не было – ее оторвало снарядом, и ошметки кости и плоти разметало по мостовой, окрасив землю в густой багрянец.

Рядом стонал от боли тот самый вихрастый парень, что наливал Виктору чай, – его живот окрасился красным, он хрипло дышал и сжимал дрожащими пальцами автомат.

– Держись, брат. Держись, брат. Держись... – механически повторял Ингвар, поддерживая его голову.

– Отступают, – доложил незнакомый Виктору лейтенант, который в этот момент говорил по рации. – Наши артиллеристы только что подбили вражеский броневик у главных ворот!

Раненого уложили на носилки. Ингвар тяжело дышал и глазами, полными суеверного ужаса, смотрел на Виктора.

– Как ты... узнал? – наконец спросил он. – Как узнал, что они приближаются?

– Я не знаю. – Ученый удивленно покачал головой. – Я просто... почувствовал...

Еще пребывая в шоке от происшедшего, он мимолетом взглянул через окно бойницы.

Как раз в этот самый момент взвился офицерский стек Яна и наполовину вошел в левый глаз верзилы.

Тот взревел, как умирающий зверь. Военные всполошились, разом подскочили к бойницам.

Верзила крутанулся на месте. Сохранив равновесие, он с гневным рычанием взмахнул стеклом. Ян отклонился. Но лезвие все же рассекло ткань на животе. По краю разреза выступила кровь.

– Сейчас я сниму гада. – Один из солдат вскинул винтовку.

– Нет! – Виктор схватил его за плечо. – Можно задеть его...

Действительно, теперь было сложно отследить, где был верзила, а где Ян, – оба сцепились в один красный клубок. Противник держал Яна хваткой медведя, но нанести удары у него не получилось – Ян перехватил стек и лезвием вспорол руку верзилы от запястья до локтя. Тот снова заревел и разжал пальцы. Ян упал на землю и быстро подкатился под ноги. Не давая врагу опомниться, он вонзил лезвие верзиле в пах. Теперь соперник ревел не переставая. Его руки беспорядочно молотили воздух, пытаясь схватить своего мучителя. Но Ян все глубже вгонял лезвие, вспарывая верзиле живот от паха до пупка. Из разверстой раны выплеснулись скользкие ошметки внутренностей. Верзила еще раз взревел и грузно упал навзничь. Кровь пузырилась на подбородке. Стекло пропорол его насквозь и вышел из поясницы. Руки и ноги дергались в судорогах. Тогда Ян подошел к упавшему, склонился над ним и точным и резким движением свернул ему шею. Пальцы верзилы в последний раз судорожно поскребли мерзлую землю, дернулись и затихли.

Не утруждая себя тем, чтобы стереть с лица чужую кровь, Ян спокойно подобрал стек, повесил его на пояс и, пошатываясь, побрел обратно к городу. На половине дороги он поскользнулся и упал на одно колено.

– Черт, да помогите же ему! – первым пришел в себя главнокомандующий.

Военные встрепенулись, начали открывать ворота, но никто не сделал попытки выйти навстречу человеку, с головы до ног облитому свежей кровью. Виктор подумал, что теперь понимает, отчего для мундиров преторианцев выбран красный цвет.

Ян поднялся, сделал пару неверных шагов и упал снова. По его телу прошла волна судорог, а потом Яна несколько раз вырвало. Он попытался подняться, но ослаб совсем и остался лежать неподвижно на остывшей земле. В этот момент туча накрыла город, и из черного брюха повалили снежинки. Они падали на Яна, таяли и стекали на землю розовыми ручейками.

В Выгжел пришла зима.

– Ну? Что стоим? – повторно рявкнул главнокомандующий, обводя взглядом подчиненных. – Мне на себе это дерьмо тащить?

Люди заколебались, переминаясь с ноги на ногу, послышались вздохи.

– Полковник, а может... это, – отозвался один из военных, – и не нужно никого никуда тащить?

Виктор непонимающе воззрился на говорившего – румяного молодчика с жидкими усиками на верхней губе.

– Я хочу сказать, – продолжил тот развивать мысль, – это же васпа, верно?

Горячая волна прокатилась по телу и схлынула так же быстро, как появилась. Снова появился шанс – освободиться от страшного попутчика. Обрести свободу и легкость, наконец-то вернуться домой, залезть в горячую ванну и лежать, пока события последних дней не обратятся в пар.

– Кларк, не дури! – это произнес Ингвар.

Все время он сидел на ступенях, отрешенно глядя перед собой, но теперь поднял голову и выглядел сердитым и возмущенным.

– Если бы они не предупредили нас, – сказал он, – кто знает, пережил бы ты эту ночь. И не твой ли младший братишка оказался бы завтра в коконе.

Румяный Кларк нетерпеливо махнул рукой.

– Ерунда! – убежденно выпалил он. – Кто его хватится? Все другие васпы мертвы. И этот – если не сдох сейчас, то сдохнет скоро. Или его сожрут болотники. Или волки сожрут.

Болотники...

Разве Ян не спас его там, на болотах?

Дзеннь! – прозвучало в голове. Не то натянутая струна, не то крик какой-то птицы. Виктор нервно сглотнул комок и потер зудящую ладонь о брюки.

«Ему нельзя верить», – сказала потом Нанна.

Но это не отменяло факта, что Ян, рискуя и своей жизнью, увел Виктора в подземные катакомбы, когда васпы взрывали улей, и вытащил его потом из лап болотных чудовищ.

Разве после этого он не заслужил хоть немного благодарности?

– Мы не можем оставить его там, – начал Виктор.

– Да, да! – перебил Кларк. – Слушайте меченого! Будто он бросит своего паразита, как же! Они все заодно!

Виктор начал закипать.

– В таком случае, – сердито сказал он, сам не замечая, как сжимает кулаки, – я иду к мэру. И пусть он решает, нарушать свое же слово или нет.

– Да? А кто поручится за нашу безопасность потом? – не унимался румяный.

– Кларк, ты придурок, – устало сказал Ингвар.

– А ты слюняй! – огрызнулся Кларк. – Хватит уже ныть по своему дорогому братику!

– Заткнись! – Ингвар вскочил, побелев как полотно.

Его кулаки сжались до того, что побелели костяшки. Казалось, он вот-вот бросится на обидчика, но зычный рев главнокомандующего пресек зарождающуюся ссору.

– Отставить! – рявкнул он. – Сию минуту, или отправитесь на гауптвахту! Оба!

Кларк, криво усмехаясь, привалился к стене плечом. Ингвар все еще стоял со сжатыми кулаками, но в драку не лез.

– Профессор прав. Приказ был доставить обоих обратно в целостности и сохранности, – продолжил полковник. – А уж потом мэр разберется, что делать. У кого еще есть возражения?

Солдаты молчали. Главнокомандующий удовлетворенно кивнул.

– Отлично. Ты и ты, – он указал на Кларка и Ингвара, – за носилками. Остальным приступить к зачистке.

Кларк закатил глаза, но перечить командующему не посмел.

– Позвольте, я помогу, – поспешно сказал Виктор.

– Конечно, – сдержанно ответил полковник и поджал губы.

Снегопад усиливался. Теперь снег покрывал тело Яна сплошным пуховым покрывалом. В сугробе утонула часть лица, изуродованная траурной повязкой. Слипшиеся от крови волосы, подернутые инеем, приобрели какую-то чистую, торжественную белизну.

Будто коконы в далеких ульях Дара.

Виктор вдруг подумал, что Ян гораздо моложе, чем ему показалось вначале. Теперь он не дал бы ему больше тридцати.

Солдаты приблизилась к васпе осторожными рывками, преодолевая отвращение. Словно с каждой минутой ожидая, что он поднимется, схватит их за руки или полоснет стеклом. Они останавливались всякий раз, как только Яна сводили судороги. Но боялись напрасно. Ян так и не открыл единственного глаза. Посеревшие губы были полуоткрыты и стянуты корочкой. Грудь под мундиром тяжело вздымалась, дыхание было хриплым, учащенным. Осмелев, Виктор дотронулся пальцами до бледного лба – будто коснулся раскаленного железа.

– У него жар.

– Тогда его нужно срочно доставить в медицинский блок, – ответил Ингвар.

Кларк не сказал ничего, просто молча положил носилки рядом и с видимой безразличностью помог Виктору перетащить обездвиженного Яна на носилки. Голова васпы отяжелела и мотнулась из стороны в сторону, так что повязка съехала набок, приоткрыв давно заросшую впадину раны на месте глаза. Виктор отвел взгляд, почувствовав подступающую дурноту. Ему снова вспомнился открытый электрический щиток с обрывками проводов, а вслед за ним в памяти всплыло разбитое лицо Линды – осколки черепа смешались с кашей из крови и грязи.

Виктор поспешно отвернулся, сделав вид, что подбирает стек – его он хотел положить на носилки рядом с Яном, но передумал и оставил себе.

Когда Яна доставили в медицинский блок, он покрылся той восковой бледностью, что бывает у покойников, и Виктору почему-то стало очень страшно. Несмотря на то что Ян был весь в крови, а мундир разорван в нескольких местах, кажется, опасных травм не было видно.

«Меньше чем через двадцать четыре часа ты умрешь», – вспомнил Виктор слова верзилы Рихта. Но Рихт умер, и его тело сейчас превращается в снежный сугроб далеко за воротами Выгжела. Ночью полакомиться им придут волки или болотники. Не побрезгуют.

Что, если этой ночью им наконец-то достанется и мертвое тело Яна?

– Кладите его сюда. – Доктор в стерильном зеленом костюме указал на каталку.

Васпу переложили довольно небрежно, так что он стукнулся затылком о поручень, но

так и не очнулся, и ни одного звука не сорвалось с посиневших губ. С чувством выполненного долга Кларк поспешил прочь, тщательно вытирая ладони о штаны, будто имел дело с куском гнилого мяса. Ингвар задержался в дверях.

– Доктор, как брат? – с надеждой осведомился он.

– Все в порядке, подлатали – будет жить, – успокоил врач.

Ингвар кивнул, по-дружески хлопнул Виктора по плечу и закрыл за собой дверь.

Потом доктор аккуратно, не без опаски приблизился к васпе, осмотрел осторожно и быстро. С особым интересом оглядел рану над коленом, потрогал пальцем.

– Надо было лучше обработать, – сказал он. – Выйдите пока из блока. Марта, подойди!

В дверях Виктор столкнулся с той самой женщиной, что брала у него кровь.

– Простите, – машинально пробормотал он и в изнеможении опустился на скамью.

«Да пошло оно все! – в сердцах подумал Виктор. – Пошло оно все с ульями, с болотниками, с васпами, да и с Сумерками в придачу! Господи, я бы сейчас все отдал за горячую ванну и чистую постель».

Он устало потер лицо и тут только вспомнил про офицерский стек Яна. Виктор осторожно взял его в руки. Это был гладкий прут толщиной примерно в два пальца, оканчивающийся узким лезвием длиной чуть больше ладони. Сейчас на нем виднелись следы запекшейся крови.

Виктор снова почувствовал подступившую к горлу дурноту и отвернул стек острым краем от себя, продолжая нервно поигрывать прорезиненной рукоятью. Большим пальцем он нащупал какое-то мягкое углубление на торце, которое тут же машинально нажал. Лезвие исчезло.

Виктор удивленно моргнул. Он снова повернул к себе стек другим концом и осмотрел тщательно. Теперь он увидел узкий и почти незаметный разъем. Тогда Виктор нажал на рукоять снова. Лезвие выскочило из паза и остановилось в нескольких сантиметрах от его лица.

Совсем как жало.

Из бокса вышел доктор, и Виктор подскочил.

– Как? – сорвалось с губ только одно слово.

– Он жив, – сказал доктор, помолчал и добавил: – Пока.

– Он ранен?

– Несущественно. Неглубокие порезы на животе и груди. Но их мы зашили. Рану на ноге тоже... Скажите, это было огнестрельное ранение?

Виктор сразу понял, о чем хочет спросить доктор, и согласно кивнул.

– Да. Пулю он вынимал сам.

– Понятно, – ответил врач. – Я так и думал. Вы знаете, эти болваны самоуверенны до идиотизма, когда дело касается антисептики. Пуля засела, по-видимому, глубоко, а операция вряд ли была произведена стерильно...

– Это ведь не сепсис? – Виктор наконец сказал то, что давно вертелось у него на языке.

– О нет, не волнуйтесь! – отозвался врач. – Это могло быть им, но все обошлось. Как ни крути, организм у этих... э-э-э... существ достаточно крепкий. Но вот что я хотел спросить... – Доктор сделал паузу. Снял очки, подышал на стекла, протер рукавом и снова водрузил на переносицу. – Марта сказала, что делала ему укол, – наконец сказал он. – Точнее, два. В одном была ваша кровь. В другом что-то еще... вы не знаете, что именно?

«Это лучше лекарства...»

– Я не уверен точно, – растерянно ответил Виктор. – Какая-то жидкость... Она была у него в колбе, на шее... Он сказал, что это какая-то эссенция. Так он ее назвал. Эссенция Королевы.

[Купить полную версию книги](#)